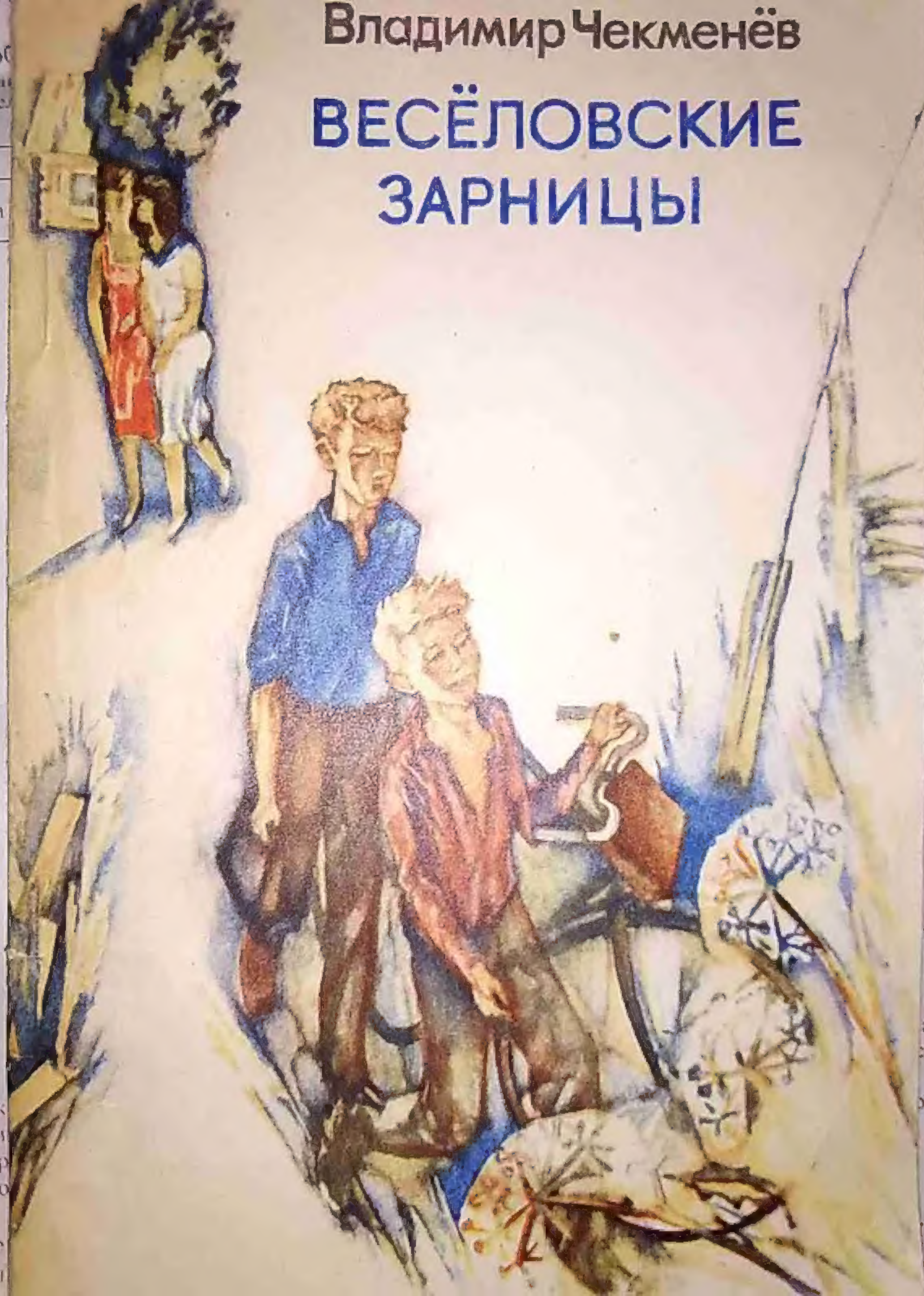

Владимир Чекменёв
ВЕСЁЛОВСКИЕ
ЗАРНИЦЫ

Владимир Чекменёв

ВЕСЁЛОВСКИЕ ЗАРНИЦЫ

ПОВЕСТИ

Саратов
Приволжское книжное издательство
1987

84Р7
Ч-37

Рецензент: *А. А. Сазонов*,
член Союза писателей СССР.

Чекменёв В. П.

Ч-37 Весёловские зарницы: Повести.— Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1987.—112 с.— (Для сред. и ст. шк. возраста).

В новую книгу писателя вошли повести о поисках призвания, своего места в жизни. Герои учатся в школе, профессионально-техническом училище, осваивают самостоятельную работу — так, шаг за шагом, они утверждают правильность своего выбора, верность намеченной цели.

Ч $\frac{4803010102-40}{153(03)-87}$ 60—87 84Р7

— Выпус
школой не р
— Харак
ном месте.
— Хвати
сразу брать
милетки.
— Раны
— Кто ж
никого нет.
— А вы
— Нет,
по физкульт
водителя, те
твоих греха
тому что у
Виктор Ива
ча. Так что
Генка от
знаться, бы
Дело в т
да Виктора

ВЕСЁЛОВСКИЕ ЗАРНИЦЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Генка Беляков пришел в школу за характеристикой, но учительская оказалась на замке. В коридоре преподаватель физкультуры разбирал спортивный инвентарь: лыжные палки в одну сторону, старые лыжи в другую, новые — в третью.

— Выпускник,— улыбнулся он Генке.— Все никак со школой не распрощаешься?

— Характеристика нужна,— топтался Беляк на одном месте.

— Хватился!— упрекнул его физрук.— Надо было сразу брать, вместе со свидетельством об окончании семилетки.

— Раньше не нужна была, а теперь потребовалась.

— Кто же ее сейчас напишет? Лето, все отдыхают, никого нет.

— А вы?— не растерялся Генка.

— Нет, братец!— засмеялся физрук.— Я тебя только по физкультурным делам знаю! Кроме классного руководителя, тебя никто правильно не охарактеризует. Он о твоих грехах даже больше директора школы знает, потому что учителя обо всем ему докладывали. Кстати, Виктор Иванович сейчас и за директора, и вместо завуча. Так что ступай к нему, пока он никуда не уехал.

Генка отправился в Погореловку на велосипеде. Признаться, бывал он здесь не раз.

Дело в том, что Генке очень нравились яблоки из сада Виктора Ивановича. Бывало, идут ребята по доро-

ге — такой ароматный запах! Невольно остановишься. Как магнитом притягивает к яблоням. Не выдержат, перелезут через плетень... Однажды их здорово напугал рослый ушастый пес, по кличке Полкан. Он так расправился с любителями хороших яблок, что Генкина мать при всем своем желании не смогла починить Генкины штаны. А мать Володьки Трубкина два дня отстирывала рубаху сына, который, спасаясь от Полкана, упал в мазутную лужу недалеко от тракторной стоянки. Два дня отстирывала и не отстирала. С тех пор мальчишки обходят сад Виктора Ивановича стороной...

Беляк прислонил велосипед к ограде и, опасаясь собаки, постучал в калитку. Раздался яростный лай. Генка подумал, что Полкан узнал его по запаху, и начал отступать к велосипеду, но из дома вышел учитель и, успокаивая своего верного стража, направился к калитке.

— Кого это мы так не любим?— обращался хозяин к собаке.— Можно подумать, что наш дом окружили разбойники с большой дороги. По-моему, ты перегибаешь, Полкан Полканыч. К чему такой яростный лай? Да еще днем! Стыдись, голубчик! Паника нам ни к чему,— Виктор Иванович прислонил к бровям ребро ладони, щурясь от солнца, угадал своего бывшего ученика.— Ну вот, я же говорил, что никаких разбойников около дома нет. Это пришел Геннадий Беляков, а ты расшумелся. Напрасно, голубчик. Очень даже напрасно! Ничего плохого нам с тобой он не сделает. Успокойся и ступай в свою будку, а я потолкую с нашим гостем.

Виктор Иванович проводил Полкана в будку, прицепил к его ошейнику цепь. После этого Беляк открыл калитку и подошел к дому, поздоровался с учителем. Ответив на приветствие, Виктор Иванович с улыбкой кивнул в сторону, где находился Полкан, и сказал:

— Видать, здорово ты ему насолил...

— Ничего особенного не было,— опустил глаза Беляк.— Просто одно недоразумение... ночью. Шли мы с Трубкиным мимо вашего сада, остановились... А Полкан, наверно, подумал, что мы за яблоками полезем... Прыгнул он через плетень и — за нами!

— Догнал?

— От него разве убежишь...

— Укусил?

— Нет, только одежду порвал.

— Это он любит!— весело воскликнул Виктор Иванович.— Хлебом его не корми, а дай какую-нибудь тряпку порвать. Главное, кусать не кусает, а одежду всю спустит. Такой проказник!

Полкан продолжал лаять.

— Я к вам по очень серьезному делу,— сказал Генка.— Хочу поступить в Весёловскую среднюю школу — нужна характеристика.

— В Весёловскую?— удивился классный руководитель.— А говорили, ты собираешься в техническое училище...

— Я передумал.

Генка вдруг вспомнил, как однажды, огорченный его плохим ответом по немецкому языку, Виктор Иванович осуждающе покачал головой, задумчиво глядя на него, и вздохнул: «Не могу себе представить, Геннадий Павлович, кем вы будете взрослым... И каким будете...» Чувствуя, что больше двойки учитель ему не поставит, Генка ответил тогда с безразличным видом: «Кем-нибудь буду...» «Вот именно! Кем-нибудь и каким-нибудь!»— недовольно подчеркнул Виктор Иванович и поставил в журнал единицу.

Много потом пришлось Генке попотеть над учебником немецкого языка, чтобы добиться положительных оценок...

— Значит, характеристика нужна?— спросил классный руководитель. Лукавая усмешка не сходила с его лица.— Ладно, пошли в дом.

В горнице он усадил своего ученика за стол, кивнул на решето с яблоками:

— Угощайся.

— Спасибо, я не хочу,— застеснялся Генка.

Виктор Иванович взял авторучку, бумагу, устроился за столом напротив Беляка, спросил:

— После звонка на урок в чехарду играл?

— Иногда,— краснея, признался Генка.

— На уроках с товарищами разговаривал?

— Случалось...

— Несмотря на замечания учителя?

— Да.

— К началу занятий опаздывал?

— Редко...

— С уроков убегал?

Молчание.

— Занятия без уважительных причин пропускал?

— Вы же все знаете,— закряхтел Генка, возясь на стуле.

— Да, все знаю,— согласился с ним Виктор Иванович.— И тебе напоминаю. А то, может, забыл?

— Нет, помню.

— Хорошо, что помнишь. Видишь, сколько за тобой грехов? И это далеко не все! Как же я буду тебя расхваливать, когда ты на протяжении семи лет такое вытворял, что и вспоминать не хочется.

— Но это же было давно,— пробормотал белобрысый Генка, глядя на свои ноги под столом.

— Правильно, давно. Но ведь характеристика и должна начинаться с тех давних времен.— Виктор Иванович сделал на листе бумаги какие-то пометки.— Так и придется написать: играл в чехарду на глазах у преподавателей, разговаривал и смеялся на уроках, убегал с занятий, опаздывал и так далее.

— Куда же меня с такой характеристикой примут?— нахмурился Генка.

— Куда надо примут...— сказал Виктор Иванович и подвел итог:— Итак, что мы имеем на сегодняшний день?— Он встал из-за стола и заходил по горнице взад-вперед.— На сегодняшний день мы имеем воспоминания о твоих проделках, неважное настроение и будем сейчас иметь характеристику...

Беляк продолжал хмуро рассматривать под столом свои ноги, будто видел их впервые.

— Как говорится, ди штундэ ист цу эндэ, то есть урок окончен,— перевел учитель на русский язык свое предложение, которое очень любили ученики.— Погуляй пока, Геннадий Павлович, возле дома, а я тем временем напишу тебе характеристику. Далеко не уходи, я скоро.

Беляк вышел на улицу, зажав в кулаке пару красноватых яблок. «Какой въедливый,— размышлял он.— Все до капельки помнит. Видать, я со своей характеристикой только и гожусь быкам хвосты крутить...»

Генка сел на траву рядом с велосипедом, откусил яблоко. А может, домой смотаться? Ну ее, характеристику... Была бы хорошая — другое дело, а такую все равно нельзя показать. Нет, все-таки надо подождать, Генка возьмет характеристику себе на память.

— Геннадий Павлович!— услышал он через некоторое время голос Виктора Ивановича и подошел к нему.—

Вот тебе путевка в село Весёлое,— подал учитель Беляку исписанный лист бумаги.— Подожди меня, я сейчас возьму свой велосипед, и поедем с тобой в школу ставить печать.

Классный руководитель пошел в сарай за велосипедом, а Генка стал читать характеристику. Чем дальше он читал, тем больше лицо его озарялось радостью. Ну и хитрец же этот Виктор Иванович! Нашел время сделать Генке пропесочку за его давнишние проказы, чтобы не забывался. Заставил еще раз покраснеть и попотеть. А характеристику показать нигде не стыдно! Конечно, Генка заслужил ее. Если бы не заслужил, Виктор Иванович не написал бы такую.

Полкан продолжал заливаться лаем.

2

Село Весёлое километрах в шестнадцати от деревни Глазовки. Дорогу в это село Беляк не знал, поэтому документы повезла в школу сестра Аня на велосипеде. А незадолго до сентября Генка решил отправиться туда вместе с матерью.

Узнав, что Анастасия Белякова поедет в село Весёлое, чтобы найти там квартиру для сына, бригадир Пряников пришел к мудрому выводу: дело у Беляковых не экстренное, рысью мчаться им не обязательно, к вечеру вернутся, и ладно. И он велел Анастасии запрягать на редкость упрямого мерина Кукиша в худую, не пригодную для колхозных работ бестарку, из которой можно растерять не только зерно, но и мешки с мукой.

На такой бестарке и отправился Генка Беляков со своей матерью в село Весёлое, заделав проломы хворостом и расстелив старый тулуп. Кричать на мерина и замахиваться вожжами, конечно, не рисковали, ни кнута, ни хворостины с собой не взяли, зная, что Кукиш при одном виде их в руках кучера может остановиться.

— Идет, и бог с ним,— махнула рукой мать.— Доедем потихоньку.

До полустанка Хлудово дорога для Генки была знакома, по ней он ходил в Петровскую библиотеку, привозил в МТС ремонтировать велосипед, по ней шел первый раз с Ленькой Рузановым, чтобы посмотреть железную дорогу и поезда, которые виделись из деревни Глазовки

пунктирными строчками. Но вот бестарка прокатилась через железнодорожный переезд, и для Генки началась неведомая до сих дорога. По обочинам — заросшие травой кюветы, за ними поля, овраги. Над головой гудели телеграфные провода. День теплый, но пасмурный. Темные, рваные облака проплывали по небу низко — густые, мрачные.

Показалась другая дорога, уходящая в сторону от телеграфных столбов.

— Поворачивай,— сказала мать.

Генка натянул правую вожжу, и мерин перешел на другую дорогу. Будто из-под земли появились печные трубы, железные и шиферные крыши домов.

— Вот и село Весёлое,— улыбнулась Анастасия.— Школа во-он, на бугре!

Генка посмотрел в сторону, куда показывала мать. На возвышенности большое одноэтажное строение, рядом с ним — два здания поменьше.

— Все три помещения под школой,— пояснила Анастасия.— Вон то высоченное — главное, снаружи обшито досками, в нем и дирекция находится. Остальные два — кирпичные.

Чуть пониже школы начинался стройный ряд домов, еще ниже — огороды и луга, а в самой лощине протекал широкий ручей, над которым возвышался мост. Напротив первого ряда домов (если считать от школы) расположен второй — на такой же примерно высоте.

— А это река Весёлая,— с усмешкой кивнула Анастасия на широкий ручей.— Она весной свое берет, во время половодья... Будем искать квартиру поближе к школе.

Бестарка прогромыхала по доскам моста. Упираясь на подъеме, мерин Кукиш скрипел упряжью, опустив голову.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Ветер затих, мрачные облака исчезли, и стало жарко. В тени возле хлева рубила дрова Ариша Нескучаева. Недалеко от нее копались в куче навоза разноцветные куры и петух. Щепки из-под топора иногда долетали до

кур, и они с кудахтаньем разбегались, потом собирались на том же месте. Рядом с хлевом, лежа в грязи, блаженно похрюкивал поросенок. Щепки падали и на него, но он относился к этому совершенно спокойно.

Нарубленные дрова Нескучаева складывала в сенцы. Она устала и села на пенек отдохнуть, помахала платком перед румяным лицом, пригладила ладонями влажные черные волосы.

Недавно Ариша проводила в армию единственного сына и теперь жила одна в большом деревянном доме, который состоял из широких сенцев, просторной кухни и горницы. Кроме кур и поросенка у Ариши было три овцы, шесть ягнят и коза, которые паслись сейчас в стаде. Нескучаевой исполнилось сорок лет, но выглядела она моложе — маленького роста, полненькая и пухлощекая, нос чуть вздернут. У нее был вид задорной озорной девчонки. Работала Ариша в колхозном свинарнике и много хлопотала по домашнему хозяйству.

Отдышавшись, Ариша придирчиво оглядела двор, нахмурилась и досадно стукнула кулаком по колену:

— Эх! Ну как лежишь? Как лежишь, Голова Два Уха!

Услышав голос хозяйки, поросенок поднял голову, похрюкал и опять сунул рыло в жидкую грязь.

— Что ты будешь делать! — воскликнула Ариша, хлопнув ладонями по бедрам.— Прямо с ноздрями погрузился и пузыри пускает! Да вынь чурилку-то из лужи, а то уснешь и захлебнешься! Уткнись в сушу!

Поросенок повернулся на другой бок, спиной к хозяйке, опять стал пускать ноздрями пузыри.

— Бестолочь,— усмехнулась Ариша.— Не зря я наградила тебя кличкой Голова Два Уха.

При этих словах поросенок опять поднял голову, но ненадолго.

— Не знаю, что бы ты делал без этой лужи,— продолжала Нескучаева отчитывать скотину.— День-деньской в ней валяешься. Перестану добавлять в нее воду — будешь ждать от дождя до дождя.

Голова Два Уха продолжал блаженно похрюкивать и пускать пузыри.

Из защитки соседнего хлева с кудахтаньем выскочила рябая курица, хлопая крыльями, побежала к навозной куче.

— Опять у соседей снеслась, лиходейка! — стукнула Ариша кулаком по колену.— Ну ладно! На всех вас най-

в управу! Под замок буду сажать — попрыгаете тогда у меня!

Во двор к Нескучаевой вошли мать и сын Беляковы.

— Здравствуй, хозяюшка,— сказала Анастасия.— Не подскажете, кто у вас тут школьников на квартиру пускает?

— Школьников?— ответив на приветствие, окинула взглядом Нескучаева белобрысого Генку.— Для сынишки квартиру ищешь?

— Для него. Из Глазовки мы.

Ариша помолчала немного, потом улыбнулась.

— Главное узнать главное... В какой класс перешел?

— В восьмой.

— Отца, конечно, нет?

— В сорок первом погиб.

Ариша вздохнула.

— Мои тоже полегли — и отец и муж... Сына недавно в армию проводила. Это хорошо, что вы зашли ко мне, пущу я твоего школьника на квартиру, если понравится у меня.

— Понравится!— махнула рукой Анастасия.— Будет на чем сидеть, есть, спать — и хорошо! Главное, крыша над головой.

— Да, главное иметь главное,— опять вздохнула Ариша.— Идемте, покажу свою берлогу.

Проходя через сенцы, они познакомились.

— Вот тут я сплю,— показала хозяйка на кровать в кухне.— А зимой на кошачьих хуторах отдыхаю,— махнула она рукой на печку.— Это очень хорошо, что вы пришли ко мне,— повторила Нескучаева.— У меня в Куликах племянник есть, он тоже в восьмой класс к нам поступил... Вдвоем мальчишкам скучать не придется, и мне рядом с ними веселей.— Ариша открыла дверь в горницу.— А тут они будут резвиться. Места много, хоть на мыцыклете катайся! Один пусть спит вот на этой кровати, второму рядом с ним на сусеке постель устрою. А кому на каком месте дрыхнуть — пусть промеж себя договариваются. Здесь я нарочно несколько досок вынула,— жестом показала она на разобранную перегородку напротив печи.— Чтобы тепло из кухни в горницу больше проникало. Табуреток хоть отбавляй! Стол большой! Сиди, читай, пиши!... В кухне лампа семилинейная, в горнице — десятилинейная, керосину хватит.

— Не хватит, свой привезем,— сказала Анастасия.

— Обойдемся,— махнула рукой Ариша.— Продукты ваши, но огурцы соленые наши. У меня в погребе две кадушки засолены — одна я много не съем, а втроем у нас пойдет дело! Картошечки привезите, пшенца... Для твоего сына и для своего племянника в одном чугуне буду варить. Споемся! Главное понять главное...

— Пока тепло, Генка на велосипеде домой поездит,— сказала Анастасия.— А к холодам к тебе переберется.

— Пожалуйста! Мой племянник тоже... до холодов будет домой пешком ходить. Пусть помотаются туда-сюда, устанут — перестанут.

2

Вечером не уложишь, утром не добудишься. Эта поговорка так здорово подходила для Генки Белякова, что порой его матери казалось: и началась-то она с ее сына. То в кино уйдет — не дождешься, то сядет книгу читать — не оторвешь.

Занятия в школе начинались в восемь часов, по утрам надо было торопиться, а Генка никак не мог проснуться, даже после умывания. Лишний раз нагнуться не хотелось. Генка садился прямо на пол, с сопением натягивал на себя носки, зашнуровывал ботинки. Аппетита у него совсем не было, а завтракать мать заставляла. Наконец Генка облегченно вздыхал и вывозил из сенцев велосипед; приладив на руль портфель с учебниками, он уезжал, усиленно нажимая ногами на педали.

В пути случалось всякое: то штанина попадет в цепь, то сама цепь слетит, то из камеры воздух выйдет... Но такие неполадки Генка устранял быстро — не зря же на велосипедной раме имелась сумка с инструментами и ручной насос. Хуже, когда в дороге заставал дождь. Если он начинался после занятий в школе — большой беды не было, к вечеру добрался домой, и ладно. Но если ливень обрушивался во время пути в школу — тогда сложней. Генка старался ехать по обочине дороги, по траве. Все равно часто приходилось останавливаться и очищать от грязи колеса. Пока Генка доезжал до тети Ариши и, оставив у нее в сенцах велосипед, добегал до школы — занятия начинались. Нередко приходилось дожидаться звонка на свежем воздухе, а в перемену объяснять причину своего опоздания классному руководителю Григо-

[illegible] Николаевичу, завучу Елене Сидоровне или даже самому директору школы. Как правило, причины Генкиного опоздания никто уважительными не признавал. Велосипед сломался? Ходи пешком, пораньше. Далеко ходить? Устраивайся на квартиру и живи близко. Дождь помешал? Надевай плащ...

Классный руководитель Григорий Николаевич послал Анастасии Беляковой письмо по почте, после получения которого многострадальный велосипед остался дома, а Генку вместе с фанерным чемоданом и мешком картошки отвезли в село Весёлое — на бестарке, в которую был запряжен мерин Кукиш. Провожал Генку его закадычный друг Володька Трубкин. Все время Беляк и Трубкин учились в одном классе, а после седьмого разошлись. Все экзамены Володька проболел, а осенью сдавать их не решился и ему пришлось остаться в седьмом классе на второй год. Не хотелось друзьям расставаться, но ничего не поделаешь, надо.

С этого воскресного, солнечного, [illegible] дня для Генки Белякова началась жизнь [illegible] квартиранта. Тянуло домой, но до школьных каникул он имел право появляться в родной [illegible] только раз в неделю — под выходной, после субботних занятий в школе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

I

Восьмой класс «А» состоял из местных учеников, из весёловских, а восьмой «Б», в котором учился Генка, полностью был сборный — кроме одного глазовца, в нем учились мальчишки из Волковки, Александровки, Петровки и других деревень. Причем в Генкином классе не было ни одной девчонки. К первому снегу почти весь сборный класс устроился на квартиры, не сдавалась одна куликовская ватага из пяти человек во главе с Гриней Воробьёвым. В пятом классе Гриня задержался из-за неуспеваемости на лишний год, и теперь он был старше своих одноклассников, выше всех ростом и сильней. Сам курил и других заставлял. Дорога до села Весёлого длинная, через поля, никто не решался слова сказать

против Воробьёва. Но однажды самый маленький из куликовской ватаги Женька Ломтев, который и доводился племянником тете Арише Нескучаевой, запротестовал:

— Не буду курить! Не хочу!..

Гриня насмешливо прищурился и, приложив к глазам ребро ладони, стал смотреть на Женьку, как на букашку.

— Кто тут писк заводит? А-а, Шестилетний Мальчик!— Воробьёв не скупился на прозвища, у каждого из его ватаги было по два, по три — и все унизительные, насмешливые. Он снял с плеча ранец с учебниками, пристально глядя на Аришкиного племянника, с улыбкой стал приближаться к нему.— Дай пульс пощупаю...

— У себя щупай!— самоотверженно выкрикнул Женька Ломтев и подумал, что от мощной оплеухи его может спасти сейчас только чудо.

Он отступил на несколько шагов с уверенностью, что никакого чуда совершиться не успеет, а раз так, то нечего ждать оплеухи, лучше первому атаковать противника. Аришкин племянник бросил портфель на снег и кинулся вперед, пригибая голову. Не ожидая отважного натиска, Гриня не мог удержаться на ногах. Но победа Женьки продолжалась несколько секунд. Гриня поднялся и тут же поверг малосильного противника к своим ногам, придавил коленом и щедро стал сыпать ему за пазуху свежий хрустящий снег, потом навалил на Женьку целую кучу, встал и насмешливо произнес:

— Долго не залеживайся. Первый урок ведет директор, опаздывать опасно.

Аришкин племянник выбросил из-за пазухи снег, отряхнулся, поднял портфель и пошел, держась от Грини на почтительном расстоянии.

После этой стычки Женька обосновался на квартире у тети Ариши Нескучаевой, где уже давно скучал Генка Беляков.

2

Около шести часов утра в Аришкином радиодинамике начиналось тихое шуршание, потрескивание, потом били кремлевские часы и звучал Гимн Советского Союза. Генка и Женька прослушивали его до конца, лежа в темноте на своих постелях. Не вставали они и в то время, когда по радио гремела утренняя гимнастика. В до-

ме было так прохладно, что вода в ведрах подергивалась тонким ледком, из-под одеяла вылезать не хотелось, и мальчишки потягивались, успокаивая себя тем, что собраться и добежать до школы еще успеют.

Тетя Ариша гремела в кухне рогачами и напоминала своим квартирантам:

— Ребята, опоздаете!

После первого ее напоминания с печки спрыгивал только кот Барчук. Спрыгивал он не сразу, а, как говорится, с пересадкой: сначала укреплялся на перекладине полуразобранной перегородки — так, что из-под когтей летели мелкие щепки, долго топтался, прицеливаясь, куда прыгнуть дальше.

Ростом Барчук не обижен, чуть пониже сундука. Сегодня он немного опоздал, щепки от перекладины полетели из-под его когтей не после первого напоминания тети Ариши, а после третьего.

Как правило, кот, прыгая, попадал на постели мальчишек, бухался кому-нибудь на живот, а однажды угодил Генке прямо на лицо и оцарапал щеку.

Вот и сейчас перед прыжком Барчука квартиранты насторожились.

— Женя, сейчас прыгнет...

— Накрывай голову одеялом, а то опять оцарапает!

Мальчишки повернулись вниз лицом, стали ждать, когда Барчук совершит свой утренний прыжок. Раздался мягкий стук, кот никого не задел, и квартиранты заликовали:

— Ур-ра-а-а! Мимо!

— Промахнулся! Между ног шлепнулся!

Испуганный криками, Барчук помчался из горницы в кухню. Генка и Женька притихли, даже начали снова дремать. В горницу вошла тетя Ариша с большой кружкой в руке.

— Если через пять секунд не подниметесь — обоих водой оболью!— пригрозила она и начала считать:— Раз, два, три...

Квартиранты вскочили.

— Встаем, встаем!— заслонились они руками.— Уже одеваемся!

— Смотрите у меня,— заворчала хозяйка, возвращаясь в кухню.— Все бы вам читать до полуночи да в шашки играть... Дождетесь, прикрою я эту лавочку.

3

Из труб домов клубами поднимался в небо густой дым. Под ногами звонко скрипел снег. Генка и Женька торопливо шли по селу Весёлому с портфелями в руках — оба в черных фуфайках, валенках с калошами, шерстяных варежках домашней вязки, в шапках с опущенными ушами.

Восьмые классы располагались в главном высоком здании. К нему пристроена открытая застекленная с двух сторон веранда, крутые ступени которой вели к центральной двери, а по обеим сторонам ступенек находились широкие антресоли, где обычно толпились ученики.

Генка и Женька поздоровались со всеми, пошли в свой класс.

Первый урок физика. После приветствия учитель Григорий Николаевич отметил в журнале отсутствующих, откинулся на спинку стула, долгим взглядом обвел своих учеников.

— Кто скажет, что было задано на дом к сегодняшнему уроку?

Желающих ответить на его вопрос, к сожалению, не нашлось.

— Не вижу поднятых рук,— огорченно сказал он.— Напрашивается неприятный вывод: раз никто не знает домашнее задание — значит, никто не готов отвечать и можно всем подряд ставить двойки и единицы. Последний раз спрашиваю: кто скажет, что было задано на дом к сегодняшнему уроку?

Поднялось несколько рук, и классный руководитель, надев очки, назвал фамилию Генки.

— Садитесь,— сказал Григорий Николаевич после бодрого ответа Беляка, сформулировал вопрос по прошлой теме и стал искать в журнале, кого бы вызвать.

Обычно Генка перед началом урока читал учебник, который держал на коленях. Пока кто-нибудь отвечал на первый вопрос, он готовился ко второму. Но сегодня Генка был уверен, что к доске его не вызовут, потому что на прошлом уроке физики он получил четверку. Не будет же Григорий Николаевич каждый урок спрашивать одних и тех же учеников. Вчера Беляк готовил домашнее задание так себе — пробежал глазами по тексту, задержался на строчках, выделенных жирным шрифтом,

и все. Послушает ответы учеников на уроке и поймет всю тему как следует.

Насмотревшись в классный журнал, Григорий Николаевич глянул на класс и сказал:

— На первый вопрос будет отвечать... Беляков Геннадий.

В груди у Генки будто оборвалось что-то и упало. От вчерашнего беглого просмотра учебника в голове у него почти ничего не задержалось, и он, разумеется, не был уверен, что ответит хотя бы на жиденькую троечку. Что же делать? Отказаться сразу? Или все-таки попробовать выкарабкаться? Генка пошел к доске. Помолчав немного, он начал говорить. Григорий Николаевич удивленно посмотрел на него и сказал:

— В том, что вы хорошо знаете материал предыдущего занятия, я не сомневаюсь, но вам придется отвечать на заданный вопрос.

Генка переступил с ноги на ногу, опять стал говорить.

— Минутку-минутку! — прервал его физик.— Будем кратки, вы не готовы к ответу на мой вопрос, садитесь, «два» поставлю.

В классе послышался шелест страниц.

— Закройте учебники, готовиться надо вовремя.— Григорий Николаевич пристальным взглядом проводил Генку до парты и посчитал нужным заметить:— Сегодня я лишний раз убедился в том, что положительную оценку заслуживают не все ученики, которые знают, что задано на дом к текущему уроку.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Генке Белякову нередко приходилось бывать на проработке в учительской — то за опоздания, то за пропуск уроков, то за плохие оценки. К тому же Генка покуривал, а классный руководитель Григорий Николаевич частенько подкрадывался к месту, где на переменах толпились курильщики. Всех сразу Григорий Николаевич поймать не мог, но Беляк всегда попадал ему в руки.

Не ангелом был и второй Аришкин квартирант Жень-

ка Ломтев. И грехи у него почти все такие же, как у Генки.

Тетя Ариша находилась в дружеских отношениях с заведующей учебной частью Весёловской средней школы Еленой Сидоровной и ее мужем Григорием Николаевичем. В юности тетя Ариша и Елена Сидоровна вместе бегали в клуб на танцы, а чуть позже и мужья этих подруг стали хорошими друзьями. В сорок четвертом году муж тети Ариши погиб в бою с фашистами, а Григорий Николаевич вернулся в село Весёлое после победы над гитлеровцами весь израненный и долго не мог работать. Со временем здоровье его улучшилось, и он стал учительствовать, как до войны.

Григорий Николаевич и Елена Сидоровна ходили в школу и из школы мимо дома тети Ариши, и она часто встречалась им на пути. Все трое останавливались и разговаривали. Первое время учителя не знали, кто именно живет на квартире у тети Ариши, но однажды она заговорила о своих квартирантах, назвала их фамилии и сказала:

— Если будут озоровать или получать унизительные оценки — сразу мне говорите. Я их быстро приведу в порядок — и племянника, и не племянника. Они у меня на одном положении...

С тех пор Григорий Николаевич и Елена Сидоровна посвящали тетю Аришу во все школьные новости, которые касались ее квартирантов, и, если новости были не совсем приятные, мальчишкам здорово доставалось.

— Это ведь что-о! И вовсе и вовсе!..— негодовала хозяйка.— Родители вас учиться сюда провожают, а не в шашки играть до полуночи! Сейчас же убирайте свои кружочки! Садитесь за учебники, не то лампу погушу!

— Да мы все на пятерки выучили,— пробовал защищаться Аришкин племянник.

— На пятерки? — подбоченилась тетя Ариша.— Тут все на пятерки знаете, а как в школу придете — одни унизительные оценки сыпятся!

— Нет у нас двоек,— продолжал защищаться Женька Ломтев.— Посмотри дневники-то, исправили давно.

— Только и живете на одних поправках! Сразу надо получать путевые оценки! А ты чего молчишь? — перевела она взгляд на Генку Белякова, сидящего за столом напротив Женьки.— Думаешь, если ты мне не родня, так с тебя и взятки гладки?

Ничего я не думаю.

Вот и плохо, что ничего не думаешь! — придиралась тетя Ариша к каждому слову.— Если бы думал чего-нибудь, не разговаривал бы на уроках про разные фильмы и романы, не прятался бы в туалете с цигаркой в зубах! Тебя что, мать курить сюда посылает? Цигарки вертеть и в Глазовке можно! А тут учиться надо! Ну, где у вас табак? Где табак, спрашиваю? Выворачивайте все карманы... И без лишних разговоров!

Тетя Ариша обследовала карманы своих квартирантов, вытряхивая из них все пылинки.

— Ишь, нашлись курильщики! Все матерям ваших расскажу.. Если не перестанете получать унизительные оценки, не бросите курить и озоровать — обоих выгоню с квартиры! Мне двоечники не нужны! Идите куда хотите!

— Среди зимы с квартиры не выгоняют,— заметил Женька.

— Это хороших не выгоняют, а плохих можно! — не растерялась тетя Ариша.— За двоечников и курильщиков никто заступаться не будет!

— По радио говорили, что и плохих квартирантов нельзя выгонять до конца отопительного сезона,— доказывал свою правоту Аришкин племянник.— Так что закон на нашей стороне.

— Я вам покажу свой закон! Пусть только еще раз на вас пожалуются... А ты чего молчишь? — опять повернулась хозяйка к Генке Белякову.

Он пожал плечами.

— А что говорить?..

— Конечно! Чего говорить, когда кругом виноват! А этот чересчур разговорчивый! — повернулась она к Женьке.— Слишком грамотный, где не надо!

— Тетя Ариша, а ты когда поросеночка купишь? — неожиданно спросил Женька, явно стараясь переменить тему разговора.

Генка еле удержался от смеха.

— При чем тут поросеночек? — хмуро спросила тетя Ариша.— Ты мне зубы не заговаривай! Куплю, когда надо будет!

Женька знал слабое место тетки, и его вопрос сделал свое дело: гнев тети Ариши пошел на убыль.

— А как ты его назовешь? — продолжал хитрить Ломтев.

— Ничего я не думаю.

— Вот и плохо, что ничего не думаешь! — придиралась тетя Ариша к каждому слову.— Если бы думал что-нибудь, не разговаривал бы на уроках про разные фильмы и романы, не прятался бы в туалете с цигаркой в зубах! Тебя что, мать курить сюда посылает? Цигарки держать и в Глазовке можно! А тут учиться надо! А ну, где у вас табак? Где табак, спрашиваю? Выворачивайте все карманы.. И без лишних разговоров!

Тетя Ариша обследовала карманы своих квартирантов, вытряхивая из них все пылинки.

— Ишь, нашлись курильщики! Все матерям вашим расскажу.. Если не перестанете получать унизительные оценки, не бросите курить и озоровать — обоих выгоню с квартиры! Мне двоечники не нужны! Идите куда хотите!

— Среди зимы с квартиры не выгоняют,— заметил Женька.

— Это хороших не выгоняют, а плохих можно! —не растерялась тетя Ариша.— За двоечников и курильщиков никто заступаться не будет!

— По радио говорили, что и плохих квартирантов нельзя выгонять до конца отопительного сезона,— доказывал свою правоту Аришкин племянник.— Так что закон на нашей стороне.

— Я вам покажу свой закон! Пусть только еще раз на вас пожалуются... А ты чего молчишь? — опять повернулась хозяйка к Генке Белякову.

Он пожал плечами.

— А что говорить?..

— Конечно! Чего говорить, когда кругом виноват! А этот чересчур разговорчивый! — повернулась она к Женьке.— Слишком грамотный, где не надо!

— Тетя Ариша, а ты когда поросеночка купишь?— неожиданно спросил Женька, явно стараясь переменить тему разговора.

Генка еле удержался от смеха.

— При чем тут поросеночек? — хмуро спросила тетя Ариша.— Ты мне зубы не заговаривай! Куплю, когда надо будет!

Женька знал слабое место тетки, и его вопрос сделал свое дело: гнев тети Ариши пошел на убыль.

— А как ты его назовешь? — продолжал хитрить Лоптев.

— Назову как-нибудь.

— Как-нибудь не надо, пусть у него будет [illegible] кличка, как у индейцев прозвища. Например, Ч[illegible] — Грязная Чурилка! А можно по-старому: Голова Два Уха!

— Подумаем,— проворчала хозяйка — Главное достать главное.

Видя, что тетя Ариша добреет с каждой секундой, Женька спросил:

— А ты нам на ужин ветчинки дашь?

— Чичирки вам, а не ветчинки. И ремень в придачу.

— Согласны на ремень, только после ветчины.

Тетя Ариша не сдержалась от улыбки.

— Где я вам ее возьму?

— Как где? А Голова Два Уха? Вон какой боров был!

— Был да сплыл. От Головы Два Уха осталась одна голова и два уха.

Квартиранты засмеялись.

— Ой, тетя, прибедняешься! — погрозил пальцем Женька.

— Нисколько! Правду говорю: осталась одна голова.

— Отрежь от головы.

— Не отрежу,— категорически заявила Нескучаева.

— Жалко?

— Мне ничего не жалко. Накорми вас ветчиной, а завтра вы единиц нахватаете. Пшенной сливухой пока обойдетесь.

2

Через некоторое время Генка и Женька увидели в окно, как их общительная хозяйка опять остановилась на заснеженной улице с Еленой Сидоровной и Григорием Николаевичем.

Квартиранты переглянулись, сели за стол друг против друга, раскрыли учебники, тетради, стали готовить домашнее задание, тревожно посматривая на окно. Через несколько минут загремела дверь сенцев, потом открылась кухонная.

— Теть Ари-иша-а-а! — зашумел из горницы Женька.— Поросеночка не купила?

Хозяйка тихо засмеялась.

Я тебе сейчас куплю...

Мальчишки тоже засмеялись, тоже тихонько.

— Теть Ари-иша-а-а! А кличку для него выбрала?

— Я тебе сейчас выберу...

Женька моргнул Генке одним глазом — дескать, раз хозяйка начала смеяться еще у порога, дела не так уж и плохи.

— Куй железо, пока горячо,— прошептал Ломтев и крикнул:— Теть Ариша, а ветчинки нам не дашь?!

— Сейчас все получите, что заработали...

Она вошла в горницу. Квартиранты продолжали сидеть за столом. Хозяйка положила перед ними кусок ветчины и проворчала:

— Сами порежете. И хлеб возьмете. Все вам на подносе... Может, еще пожевать и в рот положить?

— Не-е, не надо! — вскочил Женька и обнял ее, благодарно поцеловал в щеку.— Остальное все сами сделаем! Порежем, в рот положим, пожуем и проглотим! Большое тебе квартирантское спасибо!

Генка принес из кухни хлеб, и мальчишки стали наслаждаться ветчиной, запивая ее холодной водой.

— Теть Ариша, а что тебе учителя про нас рассказали?— поинтересовался Ломтев.

— Не все вам знать надо,— улыбнулась она.

— А все-таки, если чуть подробнее? — настаивал Женька.

— Подробнее будет, когда аттестат зрелости получите.

Тетя Ариша не любила восхищаться школьными успехами своих квартирантов и хвалить их, она считала, что полезнее ограничиться одной ветчиной.

3

Последнее время Гриня Воробьёв то и дело приставал к Генке — дергал за рукав, пинал, толкал. Выведенный из терпения, Беляк бросил на снег варежки и кинулся на Гриню, который был намного сильней. Произошла короткая схватка. Воробьёв оказался победителем. Он хохотал, насмешливо показывая пальцем на побежденного:

— Поглядите на этого героя!

— Дураком,— сказал ему Генка.— Сила есть, [illegible]

После этого настроение у него было не лучшее. Расстроенный, рассеянный, дома он все искал чего-то, а что именно — объяснить не мог.

В сарае у тети Ариши он наткнулся на чугунные гири, постоял возле них, потрогал — тяжелые. Вышел во двор, поинтересовался у хозяйки, откуда они взялись.

— Это мой сын привез,— ответила она.— Он спортом занимался.

— Теть Ариша, можно их в дом перетащить?

Хозяйка засмеялась.

— Пожалуйста! Но ведь они слишком тяжелые для вас.

— Ничего, мы их волоком. Все, теть Ариша, бросаем курить и начинаем заниматься спортом! А то скоро цыпленки обижать будут.

Одну гирю квартиранты приволокли в горницу благополучно, но со второй пришлось повозиться, потому что она больше первой. Кряхтели, пыжились — ничего не получалось. Привязали к ней веревку, дотянули до двери сенцев. Гиря зацепила за порожек, и они никак не могли перевалить через него.

— Эх вы, спортсмены! — улыбнулась тетя Ариша и взялась помогать.

Генка уперся ногами в порожек, стал тянуть веревку. Тетя Ариша, нагнувшись, взялась за ручку гири. А Женька подпирал обеими руками, стоя на коленях.

— Вот это репка,— утирался рукавом фуфайки Женька, когда они приволокли чугунную тяжесть в горницу.— Еще бы сюда Жучку с внучкой... На улице мороз тридцать градусов, а мы как после бани.

— Не по себе игрушки выбрали! — махнув рукой, засмеялась тетя Ариша.— Мой сын по комплекции не вам ровня! Он, бывало, колхозного быка усмирял! Возьмет его за рога, повернет — и тот с копыт долой! Он не только гирями занимался — бегал, прыгал, в снегу раздетый кувыркался... И хоть бы что! Начинать с этих гирь вам ни в коем случае нельзя, пупки сорвете! На чердаке гантели разные валяются, вот с них и начинайте. А уж потом за гири беритесь.

Квартиранты сняли с чердака гантели и начали спортивные занятия. Стали соревноваться: кто сколько раз поднимет и опустит одной рукой, второй, обеими сразу. То Генка побеждал, то Женька. По совету тети Ариши утром бегали вокруг дома — без фуфаек. Потом

...стали без пиджаков и без шапок. Постепенно дошло до того, что во время утренних разминок оставались на себе только трусы и валенки.

— Осторожно,— руководила тетя Ариша.— Не простудитесь.

И квартиранты не болели, даже не чихали. Настало время заниматься гирями. Начали с той, которая поменьше. Пытались вместе поднять ее, хоть как нибудь. На третий день им удалось это сделать — до уровня Генкиного живота, на пятый день — до уровня Женькиной груди. Целую неделю не могли пересилить этот уровень. Сто потов сошло. И гирю роняли, и сами падали. В время тренировок в доме стоял такой шум и грохот, что на улице останавливались и прислушивались прохожие. Тетя Ариша, выйдя из терпения, разогнала начинающих спортсменов и вгорячах обещала убрать гири подальше от них.

— Никуда ты их не денешь, теть Ариша,— заметил ее племянник.— Потому что не справишься.

— Соседей приглашу,— не сдавалась хозяйка.— Спрячем от вас, пока пол не проломили.

Квартиранты подумали и решили:

— Теть Ариша, все! Переносим гири в сенцы, там пол земляной — ничего ему не сделается.

На четвертый день тренировки в сенцах они подняли наконец гирю выше своих голов.

— Скоро со второй начнем заниматься! — радостно воскликнул Генка.— Осилим ее вместе, тогда к одиночным упражнениям перейдем!

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Надо сказать, что Генка Беляков все-таки очень скучал по своей деревне Глазовке, по своим родным. И ему часто вспоминались разные истории из жизни родной деревне.

Когда Генка был еще маленький, отца его часто посылали на разработку леса; однажды он вернулся оттуда с зубной болью. Генка соскучился, ни на шаг не отходил от отца, докучал расспросами.

— Папань, а какой он, лес-то?

Отец шагал взад-вперед по кухне, приложив к щеке ладонь, изредка постанывал.

— Большой лес, большо-ой,— терпеливо отвечал он и округлял руками пустоту, стараясь показать, в каком огромном лесу ему приходилось бывать.

Зубную боль Генка уже испытал в то время и очень жалел отца.

Как бы развлечь его, развеселить, чтобы он перестал чувствовать боль? Генка принес из сенцев картонную коробку с гайками, с шурупами, с осколками от фарфоровых тарелок и цветного стекла. Все это богатство он набрал, пока отца не было, и решил похвалиться своими игрушками, удивить его, обрадовать. Глядишь, и зуб успокоится.

— Папань, а у меня вот что есть,— торжественно заявил Генка, высыпая содержимое коробки на пол кухни.— Вот что...

— У-у-у, какие хорошие,— стонал отец.

Обрадованный похвалой, Генка опять побежал в сенцы: кряхтя, приволок коляску-трещотку, которую смастерил для него двоюродный брат Витька Казак — из ненужной шестеренки, металлического стержня, загнутого на конце, да из бездонного расплющенного ведерка.

Тогда была мода на такие коляски, катишь ее по улице — треск на всю деревню.

— Вот,— хвастливо смотрел на отца Генка.

— У-у-у! — снова удивился тот, облокотившись на стол и стиснув ладонями челюсти.

Генкины сестры затеяли в горнице шумную игру, а мать ругала их там.

Отец положил в рот таблетку.

— Ох, зуб-зуб...— не сдержавшись, пожаловался он Генке, со стоном покачался из стороны в сторону и показал на дверь горницы:— Скажи им, чтобы тише... Разбушевались, идолы.

Генка бегом в горницу, остановился у просвета двери и, сердито глядя на всех, властно произнес:

— Тихо вы, идолы. У папани зубки режутся, а вы разбушевались.

Давно это было, перед войной с Гитлером. Генкина мать часто напоминала об этом случае и задумчиво улыбалась.

2

Рос Генка — белобрысый, маленький, худенький. Хотелось быть сильным, но где взять силу? Хлеб пекли пополам с лебедой, картошка на вес золота, а уж про мясо и говорить не надо, его совсем не доставалось: скотину продавали за хлеб. В супе ни одной жиринки, ни одной картофелинки, вся жидкость в миске просматривалась до дна, на котором лежало несколько ржаных крупинок, а сверху плавал мелко порезанный лучок. Обычно Генка, нахлебавшись такой прозрачной жидкости, говорил:

— Мама, живот наелся, а рот есть хочет...

Однажды утром он, как говорится, встал не с той ноги — все ему не так, все не эдак. Капризно помешал деревянной ложкой ржаной суп, расплескивая его из миски на стол.

— Опять наварила бурды . Каждый день одно и то же.

Мать стояла рядом, скрестив на груди руки, щеки ее покраснели, она нахмурилась, поджала губы. А Генка продолжал мурзиться:

— И в хлебе одна лебеда... на зубах скрипит.

Больше он ничего не сказал, потому что заметил, как мать медленно брала со стола деревянный ковш, которым всегда разливала в миски суп. Генка понял, что переборщил, и, сообразив, что этот хороший ковш может расколоться о его белобрысую голову, вихрем выскочил из-за стола, сорвал с гвоздя пальтишко и шапку, прыгнул в большущие подшитые валенки, задрав при этом штанины, выбежал на улицу. Мать кинула ему с крыльца портфель, шарф, чернильницу и ушла в дом.

Генка оделся, переобулся как следует, отыскал в снегу чернильницу; прежде чем отправиться в школу, решил вернуться в сенцы и взять лыжи. Осторожно открыл уличную дверь, чтобы не греметь, и вдруг, услышав плач, остановился перед кухонной дверью.

— Сидишь, глядишь, ничего не скажешь,— сквозь плач доносились слова матери.— Не сойдешь с карточки, не поможешь... Не обошла тебя вражья пуля, даже неизвестно, в каком месте головушку свою положил... Старшая наша дочурка Нина померла... Младшая Аня в городе на библиотекаря учится... Из Генки по-

плохой помощник, сорванец еще... Все одна я, везде одна... Ни картошечки вволю, ни хлеба... На ребенке сейчас зло сорвала... А до войны-то как хорошо и дружно поживали. И в мыслях у меня тогда не было, что так скоро распрощаемся... Остался бы ты живой, по-другому было бы...

Над кухонным столом у Беляковых висело много фотографий в самодельных рамках — отец до войны мастерил. Генка понял, что мать стоит перед этими фотографиями, жалуется отцу и старшей Генкиной сестре Нине на свои трудности.

Он выбежал из сенцев без лыж и тоже заплакал, мысленно ругая себя за то, что своими глупыми капризами вывел мать из терпения и расстроил ее. Сердце сжимала ноющая боль: от жалости к матери, от обиды на самого себя и от злости на проклятого Гитлера, который отнял у него отца.

А вслед ему неслось горестное причитание:

— И как же я без вас... И на кого же вы меня поки-инули-и!..

Генке стало жутко, ему показалось, что на голове у него зашевелились волосы. А может, и правда зашевелились. Нет, он не мог оставить мать одну в таком состоянии.

Генка рванул на себя кухонную дверь.

— Мама, не надо!.. Я больше не буду!.. Мама, не надо!..

— Ой, господи! — всплеснула она руками и кинулась от стола к Генке, обняла его, прижала к себе.— Дак как же я так... Как же... Думала, в школу убежал...

— Мама, не надо... Я больше не буду,— продолжая всхлипывать, твердил одно и то же Генка, уткнувшись в поношенную душегрейку матери.— Только не плачь...

— Да ты сам-то не плачь,— улыбнулась она.— А я уже перестала...

Но слезы продолжали катиться по ее щекам.

3

Помнится, целое лето Генка носил механизаторам парное молоко от своей коровы Лысенки, каждый вечер по трехлитровому бидончику — и матери помощь, и

для себя тренировка. За молоко механизаторы обещали рассчитаться осенью хлебом.

В день расчета они ввалились к Беляковым вместе с бригадиром колхоза и кладовщиком. Мать хлопотала у загнетки, варила на тагане картошку. А Генка сидел за кухонным столом, ждал, когда картошка сварится. Вошедшие столпились у стола, и Генка почувствовал себя лишним, ушел в горницу, но дверь за собой не закрыл.

Механизаторы подсчитали по своим записям, сколько Генка принес им молока, мать подсчитала по своим. Записи не сходились: у матери получилось больше, у механизаторов меньше. Проверили — опять разногласия. Кладовщик взял обе тетради и, держа их от глаз на целый метр, придирчиво стал разбирать каракули.

— Так, так... Эге! Вот это бухгалтерия! Кто же так наварачкал? Ты, Колдай?.. Ну и почерк! Как курица лапой! Анастасия, в твоей ведомости понятней. Так, так... Тут есть, там есть... Там, тут... Тут, там... Во! Нашел разницу! У Анастасии записано, а у вас нет! Три литра выпадают! Будем разбираться. Получается так: шестнадцатое августа Анастасия отправила с Генкой три литра молока, а ты, Колдай, молоко взял, а в своей ведомости не отразил. Что же это за бухгалтерия! Признавай неточность, исправляй каракули!

Тракторист Колдай вытащил из кармана замасленную бумажку, глянул в нее и торжественно потряс ею над головой.

— Ничего подобного! Учет у меня точный! Вот тут...— Он опять потряс над головой замасленной бумажкой.— Тут все дни перечислены, когда Генка не приносил молоко! Вот, глядите! Фиолетовым по белому написано: шестнадцатого августа — не приносил!

— Как же так? — развела руками Генкина мать.— Я же отправляла...

Генка сидел в горнице на сундуке и все слышал через открытую дверь, он понял, что без него механизаторы не разберутся, и ждал, что его позовут. Когда в кухне наступила тишина, он догадался: сейчас начнется допрос.

— Гена, поди сюда! — позвала мать.

Он вышел из горницы с опущенной головой.

— Шестнадцатого августа я отправляла тебя с молоком к механизаторам или нет? Вспомни.

Хотя и прошло немало времени, но тот вечер Генка забыть не мог. Поэтому он твердо ответил:

— Отправляла.

— А где же молоко? — потряс бумажкой Колдай.— Ты в тот вечер не приходил. Небось выпил дорогой и вернулся.

— Да вы что? — подняв голову, удивился Генка.— Три литра...

— Бидончик уронил? — спросила мать.

— Не-е, никогда не ронял.

— Отнял кто-нибудь?

— Не-е, сам отдал. Генка опять опустил голову.— Такое дело получилось... Вышел я с бидончиком за деревню, гляжу — на мысу мальчишки в победу над фашистами играют... Они как раз «рейхстаг» штурмовать собирались, а уже умаялись, силы были на исходе... Перед наступлением надо было подкрепиться, чтобы победить. Выпили мы весь бидончик и пошли на штурм...

— Ну и как, взяли? — спросил кладовщик.

— Чего? — поднял голову Генка.

— «Рейхстаг».

— Конечно! Не зря же подкреплялись!

— Почему же ты сразу не сказал об этом? — упрекнула мать.

Генка пожал плечами.

— Сплоховал...

— Все ясно,— улыбнулся кладовщик.— Конец ревизии,— подвел он итог.— Приступаем к расчету.

4

Белобрысый, маленький, худенький. Проснулся однажды на горничном полу, посмотрел на залитое весенним солнцем окно, на соломенный матрац рядом с собой и понял: во сне он свалился с кровати. Кроме Генки, дома никого нет. Первым делом надо положить матрац обратно, не оставлять же его на полу до прихода матери с работы.

Да, с матрацем пришлось повозиться. Силенок маловато. Обнял Генка соломенную махину и с трудом стал разгибаться. Один конец заслонил ему голову, на второй наступил — и упал вместе с ношей рядом с кро-

ватью. Убедившись, что развернутую махину ему не поднять, Генка скатал матрац и опять попытался обнять его. Но проклятая громада раскатывалась, и Генка ронял ее.

Решил сделать передышку, подкрепиться, как перед взятием «рейхстага». На кухонном столе в алюминиевой миске лежали крахмальные оладьи — синие, упругие, как резина. Рядом стояла банка с молоком. Это ему на завтрак и на обед. Похлебки нет, хлеба тоже. Всю картошку недавно посадили на огороде. Летом хорошо, яблок много, вишни, смородины... Но до этого далеко. Вечером мать вернется с работы и приготовит что-нибудь, а пока приходится обходиться крахмальными оладьями и молоком. Позавтракает и справится с матрацем.

На улице закудахтала курица, и Генка оживился. Снеслась хохлатка. Можно будет полакомиться. Жалко, что курица несет всего по одному яйцу в день...

Через несколько минут он [illegible]нул от себя пустую посуду. Мать оставила ему [illegible], в которой наказывала: оставшееся после завтрака молоко вынести в погреб и накрыть банку крышкой, чтобы в нее не залезла лягушка. Но после Генкиного [illegible] такая предосторожность ни к чему, в пустой банке прокисать нечему. Полный порядок, можно браться за работу.

Он долго кряхтел, качался из стороны в сторону, прижимая к себе соломенную махину, потом один конец матраца коснулся стены, вдоль которой стояла кровать, второй конец перетягивал, и Генка стал подталкивать его коленом, потом плечом.

Так и одолел соломенную громаду.

5

Спотыкаясь, Генка бежал за колхозным конюхом и робко просил:

— Дядь Семен, дай попахать!

Конюх оглянулся на него, продолжая идти за сохой.

— Не справишься,— коротко бросил он.

— Справлюсь,— возразил Генка.

Дядя Семен усмехнулся, остановил конягу.

— Пробуй.

Генка дрожащими руками взял вожжи, прикоснулся к ручкам сохи.

— Не наваливайся,— предупредил дядя Семен.— Техника настроена как надо, твое дело только управлять.

Генка дернул вожжи, и соха заскрипела. Метра два она пахала прямо, потом наклонилась налево — и Генка метнулся налево, хотел поправить ее, но перестарался, соха наклонилась направо. И Генка прыгнул направо. Метался из стороны в сторону, спотыкался, упал в борозду, уронив вожжи. Лошадь остановилась, оглянулась на лежащего в борозде пахаря и фыркнула, тихо заржала, будто засмеялась. Он вскочил, вцепился в ручки, и опять начались прыжки из стороны в сторону.

— Тпррры!— догнал его дядя Семен.— Больно ретивый, сразу хочешь научиться. Давай для начала вместе за сохой походим, ты держи одну ручку, я другую. И вожжи пока у меня побудут. Вот так. П-но-о! Да не прыгай ты, не прыгай! Шагай ровней! П-но-о! Возьми ручку обеими руками, а то упадешь... Чувствуешь соху? Вот так. Теперь берись за обе ручки и сохраняй равновесие. П-но-о! Не мыкайся, не мыкайся! Я поправлю!

Дядя Семен отстал. Обливаясь потом, Генка почти бежал за сохой, изо всех сил старался сохранить ее равновесие, но ручки опять стали наклоняться то направо, то налево, и он, пометавшись, снова уронил вожжи, растянулся во влажной борозде. Лошадь опять фыркнула и заржала, а дядя Семен поставил соху прямо и сказал:

— Хорошего понемногу. Приходи завтра на Апроськин огород, там пахать буду.

Генка приходил не только на огород тети Апроськи, он бегал по всем огородам, высматривая пахарей. И научился пахать.

6

Когда Генкина сестра Аня работала в Петровской библиотеке, ей надоело ходить туда пешком, и она купила велосипед — не дамский, мужской. Генке не терпелось научиться ездить на нем. Но сестра не доверяла велосипед, боялась — разобьет. И ему приходилось ждать удобного случая. Как только он оставался дома наедине с велосипедом, сразу же вывозил его на Апроськин проулок, разбегался, становился ногой на педаль и старался управлять рулем. Но управлять им было нелегко, он вывертывался из рук, и Генка вместе с велосипедом падал на дорогу. Морщась и потирая ушибы, он вставал и

упорно продолжал учебу. После нескольких таких мучительных уроков Генка стал справляться с рулем. Надо было научиться крутить педали обеими ногами — ездить как следует. Не так просто сделать это без посторонней помощи, с седла он не доставал ногами до педалей. Ослаблял ключом гайку, сворачивал седло в сторону, чтобы не мешало, и садился прямо на раму. Все внимание уделял тому, чтобы не потерять равновесие, а про педали забывал, переставал крутить их — велосипед останавливался, и Генка валился вместе с ним на зеленую мураву.

Синяки и ссадины не только на руках и ногах, их было достаточно и на лице. Нос ободран, губы разбиты.

— Да с кем же ты дерешься! — шумела на него мать.

Она не знала о его самостоятельных упражнениях на Апроськином проулке. Генка успевал ставить велосипед на место до прихода матери и сестры.

— Ни с кем не дерусь,— отвечал он.— Споткнулся и упал...

— Часто спотыкаешься! — не верила мать.

Научился Генка ездить на велосипеде. Хотя еще неуверенно, но перед товарищами храбрился:

— А учиться нетрудно! Когда едешь, руль почти сам держится — знай крути педали и поворачивай куда надо!

— Прокатил бы,— позавидовал ему Трубкин.— Или вдвоем не сумеешь?

Недалеко от них стояли девчонки, и Генка зашумел:

— Я? Не сумею? Плевое дело! Лезь на рамку!

Трубкин залез.

Генка разбежался, стал одной ногой на педаль, вторую закинул через седло, сел и с трудом стал крутить цепную передачу, кряхтя и стискивая зубы.

На виду у девчонок доехали до конца деревни. И тут навстречу загромыхала телега. Надо было Генке повернуть налево — под уклон, а он вздумал соблюдать правила уличного движения, повернул направо — на бугорок. Но выехать на подъем не смог. Велосипед несколько секунд постоял на одном месте и стал клониться в сторону телеги. Кучер не сумел вовремя остановить разбежавшуюся лошадь. Велосипед упал рядом с телегой, ее заднее колесо переехало по ногам Генки и Володьки Трубкина. А у велосипеда сломалась педаль.

Хорошо, телега была пустая, а если бы груженая — лучше переломала бы ноги. Все обошлось, как говорится,

ше некуда — похромали только с неделю. Велосипед же долго стоял в сенцах без педали.

Мать и сестра послали Генку за новой педалью в районный магазин. Умаялся он дорогой порядком: до района без малого пятнадцать километров, не было ни попутной машины, ни подводы, пришлось туда и обратно идти пешком.

Прикрутил новую педаль к велосипеду, вывез его на улицу и тут — хруп! Руль сломался! Генка опешил, глядел на него и ничего не понимал. Но потом все понял. Руль треснул еще при падении под телегу, но треснутая часть находилась в раме и чуть держалась, а когда Генка надавил — она сломалась.

Опять забота.

Взял Генка сломанный руль под мышку, отправился в МТС. Слесарь подровнял напильником стержень, пропилил в нем выемку, и руль стал как новый, только покороче.

Дома Генка укрепил ключом рулевое управление велосипеда, хотел покататься на нем, но оказалась сломанной передняя вилка, в которой укрепляется колесо. И на этот раз не обошлось без МТС. Электросварщик так здорово заварил трещину, что рубец не скоро заметишь.

Из МТС Генка мчался на отремонтированном велосипеде, по деревне проехал с шиком, гордо задрав голову, на виду у девчонок.

7

В Глазовку привезли индийский художественный фильм «Бродяга» с участием Раджа Капура — первую серию. Об успехе этого фильма глазовские жители слышали уже давно, и желающие посмотреть его поместиться в клуб не могли. Киномеханик Ванька объявил, что первая серия будет демонстрироваться два дня подряд, но все равно без шумной толкотни и неразберихи не обошлось: за билетами лезли и старые и малые. Беляк и Трубкин пробились в первый вечер, на второй — народу было поменьше, и они вошли в клуб почти свободно. Сели на скамейку, стали ждать начала сеанса.

Вдруг Генку охватило непонятное беспокойство, он оглянулся и увидел свою одноклассницу Валю Ранневу.

Рядом с ней стояла ее подруга Вера Тяпникова. Девушки с улыбкой кивнули ему, он ответил им тем же.

Оказалось, что Валя и Вера, сдав после семилетки вступительные экзамены в техникум, приехали домой отдохнуть перед началом учебного года.

Трубкин заерзал на скамейке, прошептал:

— Красноугольские девчата появились...

— Знаю,— ответил Беляк.

Он смотрел на экран, а видел Валю Ранневу. Она неотступно стояла перед глазами — в кофточке-матроске с короткими рукавами, в полосатой юбке и белых туфлях, темные волосы рассыпаны на плечах, черные глаза немигающе смотрели на Генку из-под длинных ресниц. Лицо у Вали круглое, курносое, губы пухловатые и казались немного капризными.

Беляк опять оглянулся и снова натолкнулся на Валин взгляд. Она сидела на скамейке возле киноаппаратного окошечка. Свет погас, и началась демонстрация фильма.

— Что будем делать? — многозначительно спросил Трубкин.

— Пока не знаю.

Содержание фильма на ум не шло.

— Слышь?— толкнул Генку Трубкин.— Давай попросимся к ним в провожатые.

— Не возьмут, они вон какие... напыщенные. В городе побывали...

— Не возьмут — не надо. Как говорится, попытка не пытка.

— Хорошо, попробуем.

— Володька,— через минуту снова зашептал Генка.— Давай сделаем так: кончится кино — сразу бежим домой за велосипедами и подъезжаем сюда. Пойдут девчонки в Красный Угол, мы их догоним и скажем: «Такси подано...» И все такое...

— Точно,— обрадовался Трубкин.— Подвезем их до дома.

После окончания фильма молодежь стала убирать из середины зала скамейки, расставлять их вдоль стен, освобождая место для танцев под радиолу, а друзья вышли из клуба и помчались домой: Беляк в Глазовку, Трубкин в Оторвановку.

Через несколько минут они вернулись на велосипедах. В клубе гремела музыка и слышалось шарканье ног

танцующих. Друзья заглянули в окно, но одноклассниц не увидели.

— Кажется, пока мы бегали, они ушли домой,— забеспокоился Трубкин.

— Догоним,— сказал Беляк.— Дорога в Красный Угол одна. Сходи в клуб, удостоверься, вдруг там сидят.

Он взял у товарища велосипед. Володька скрылся за дверью.

На небе не видно ни одной звездочки, темнота непроглядная. В стороне Козиной речки пел соловей, а из Оторвановки неслось беспокойное блеяние козы. Вытянув шею, Генка наблюдал в окно, как Трубкин ходил между танцующими в поисках красноугольских девчат. Вдруг он услышал позади себя тихое шуршание и девичий смех.

— Ой, да это, оказывается, Беляк!

— Точно, он! Здравствуй еще раз!

Валя Раннева и Вера Тяпникова протянули ему ладони, и он растерянно пожал их.

— За кем так внимательно подглядываешь?— спросила Валя.

— Я не подглядываю, просто смотрю, и все.

— Откуда столько велосипедов?— поинтересовалась Вера.— Уж не для нас ли с Валей приготовил?

— А вы ездить научились?

— Нет, не умеем,— ответила Вера.

— Тогда мы с Володькой Трубкиным покатаем вас. Он сейчас придет.

— Везучие мы с тобой!— толкнув Валю, воскликнула Вера.— Только подумали домой идти, а такси тут как тут!

— Да они нас не довезут,— усмехнулась Раннева.— Уронят где-нибудь.

— Мы?! Уроним?!— закипятился Генка.— Не такой груз возили, и то ничего!

— Возили,— опять усмехнулась Валя.— Довозились и вместе с Трубкиным под телегу свалились...

— Да это когда было!— защищался Генка.— Мы тогда учились ездить! Кучер был виноват, а не мы!

Вышел Трубкин. Не заметив в темноте девчонок, он крикнул:

— Нет их в клубе! Поехали догонять!

— Кого догонять собрались?— почти в один голос спросили девчата.

2½ Заказ 515

Трубкин опешил, а Генка откровенно ответил:

— Вас. Думали, домой ушли...

— Благодарим за внимание.

Володька спустился с крыльца, смущенно пожал одноклассницам ладони.

— А кто кого повезет?— спросила Вера.

— Я — тебя,— поспешно сказал Трубкин.— А Генка — Валю.

— Я с Беляком не поеду,— запротестовала Раннева.

— Не бойся, под телегу не свалимся,— угрюмо произнес Генка.

— Я не боюсь, просто не хочу, и все.

Вера шепнула Беляку на ухо:

— Не спорь с ней, покапризничает и сядет.

— Только не шептаться,— заметила Валя.

— Не беспокойся, на оба велосипеда не залезу,— засмеялась Вера.— Володя, который твой? Бери, поехали!

Трубкин посадил Веру на раму, разбежался, уселся на седло, и они стали удаляться.

— Прошу,— наклонил Генка велосипед.

— Не сяду,— опять отказалась Валя.

— Что же мы, пешком пойдем?

— Да, пешком.

Хорошего разговора не получалось. Молча прошли Оторвановку. У пруда стало прохладно, и Генка остановился, снял пиджак.

— Надень, а то комары все руки искусают.

Валя взяла пиджак.

— Скажи, в какой техникум ты поступила?

— Секрет.

Пошли по деревне Погореловке.

— Может, все-таки скажешь, почему не хочешь прокатиться на велосипеде?

— Потому что на этом велосипеде ты свою Зойку возил...

— Ты не права. Во-первых, Зойка Сергеева не моя. Во-вторых, она уже давно не живет в Глазовке, переехала вместе с родителями в Тамбов. А в-третьих, кроме Володьки Трубкина, я на своем велосипеде пока никого не возил.

— Свежо предание, но верится с трудом.

— Я говорю правду.

До Валиного дома они не проронили больше ни слова. Остановились у ограды.

— Ну что, прощаться будем?— спросила Раннева.
— Вообще-то рановато,— возразил он.
— Для кого рановато, а для меня поздновато.
— Хорошо, сейчас... Ты когда уезжаешь?
— Не важно когда. Я пока сама не знаю, не решила еще.
— Дай мне свой минский адрес.
— Ишь ты какой...
— Не хочешь переписываться со мной?
Валя неопределенно пожала плечами.
— До свидания, Беляк,— подала она руку.
— До свидания, ежиха,— пожал он ее ладонь.— Всего хорошего.

Генка сел на велосипед и с ожесточением стал крутить педали, чувствуя, как от быстрой езды шумит в ушах ветер.

Спать ему не хотелось, и он долго сидел на крыльце своего дома, размышляя о прошедшем свидании с Валей Ранневой. Даже не сказала, в какой техникум поступила. Не может простить ему дружбы с Зойкой Сергеевой. Но мало ли что было раньше? Теперь-то он не дружит с Зойкой...

Запели петухи. Беляк достал из-под скамейки толстую проволоку, загнутую на конце, просунул ее в отверстие в двери, пошевелил; подцепив внутреннюю задвижку, открыл дверь, поставил в сенцах велосипед и пошел спать.

Но не так просто было заснуть в ту ночь, возился до рассвета. А когда заснул, сразу же увидел Валю Ранневу.

— Беляк... Беляк... Беляк...— твердила она ему.— Побежал тогда за Зойкой... Зойкой... Зойкой... А теперь у меня жених... жених... жених...

Генка проснулся, сел на постели. Может, она действительно успела найти в Минске жениха? Потому так холодно и разговаривает? Очень может быть.

На другой день он спросил Трубкина:
— Как вчера доехали?
— Без приключений,— ответил Володька.— Долго вспоминали, как учились в школе, смеялись. А у вас как дела?
— Нам было не до смеха,— махнул рукой Генка.— Зойкой меня попрекала...
— Это же хорошо!— воскликнул Трубкин.— Ревнует!

— Брось ты. У нее жених есть.
— Сама сказала?
— Сама, только не наяву, а во сне.
Володька засмеялся.
— Ну ты даешь! Во сне не знаю чего может присниться, а ты всему веришь. Брось срундить! Вечером они опять в наш клуб придут. Готовь велосипед, чтобы не сломался в дороге.
На этот раз Валя села на раму. В пути она никаких вопросов не задавала, Генке тоже было не до разговора: крутить педали на частых подъемах дело нелегкое, к тому же все внимание он уделял дороге, чтобы не попасть в канаву и не свалиться.
Доехали благополучно. Валя спрыгнула с рамы и сразу же подала Генке руку.
— До свидания.
Прислонив к ограде велосипед, он взял ее ладонь, пожал, но не отпустил.
— Может, подождем расходиться? Постоим, поговорим.
— Ты руку-то отпусти.
— А то скоро уедешь, неизвестно, когда встретимся.
— Ты руку-то отпусти.
— Не отпущу, пока минский адрес не скажешь.
Генка взял вторую ладонь Вали, поднес к своему лицу.
— Э-э-э!— попыталась она освободиться и усмехнулась:— Ты эти штучки брось. Может, Зойка и позволяла тебе разные нежности, но со мной такое не пройдет.
— Опять про Зойку,— поморщился Беляк, продолжая держать Валины руки.— Перестань быть ежихой, сбрось колючки.
— Не наколешься. Вон как вцепился, не оторву.
— Приколола...
— Уйди, уйди, мама идет,— испуганно зашептала Валя.
Он отпустил ее руки, и она засмеялась.
— Давно бы так.
— Где же твоя мама?
— Известно где, спит.
— Значит, обманула.
— А с тобой по-другому нельзя,— продолжала она смеяться.— Обманула дурачка на четыре кулачка, и на пятый кулачок он остался дурачок.

— Оскорбляешь?
— Нет, это я лю... то есть шутя! Езжай, мне домой пора. Будь осторожней, а то в канаву загремишь.
— Не загремлю.

На следующий день Генке предстояло проводить сестру на станцию. Аня оформила очередной отпуск и, приклеив на двери Петровской библиотеки объявление о временном ее закрытии, собралась съездить в Москву. Утром Беляк укрепил чемодан на багажнике велосипеда и вместе с сестрой пошел на полустанок Хлудово. На велосипед, конечно, не садились — главное, вещи не в руках.

Взяв в кассе полустанка билет, брат и сестра вышли к железнодорожным путям. Впереди они увидели знакомых: двух девушек, пожилую женщину и пацана лет одиннадцати. Девушки помогли пацану перенести через рельсы велосипед, на багажнике которого тоже находился чемодан.

Поравнявшись с Генкой и Аней, вся компания дружно поприветствовала их. Ответив на приветствие, Беляк покраснел. Девушки были не кто иные, как Вера Тянникова и Валя Раннева, пожилая женщина — Валина мать, а пацан — брат.

Красноугольцы торопились. Минский поезд пришел раньше московского. Валя стояла в тамбуре в кофточке-матроске, в полосатой юбочке, в белых босоножках и с белой сумочкой в руке. Она разговаривала с провожающими. Потом московский поезд заслонил красноугольских жителей; когда Генка внес в вагон Анин чемодан, поезд на Минск тронулся.

Разъехались в разные стороны пассажирские составы, и провожающие стали расходиться. Вера Тянникова поравнялась с Генкой и спросила:

— Что же ты не подошел?

Он опять покраснел, растерялся.

— Там были ее родные... Мне показалось, неудобно...

— Зря,— сказала Вера.— Она думала, ты подойдешь к ней...

Потом Генка много размышлял над словами Веры и тоже решил, что зря не подошел к Вале на полустанке, надо было сказать ей «до свидания» и пожелать счастливого пути.

Дня через три уехала и Вера.

Над Глазовкой тянулись темные рваные тучи, дождь то моросил, как из сита, то крупнел, переходил в ливень. Генка сидел за кухонным столом над раскрытой книгой, на душе спокойно: в такую погоду картошку полоть нельзя, заготовлять корм для скотины тоже нельзя, никто не упрекнет его в безделье, все отдыхают. И он наслаждался чтением, изредка посматривая на мокрое окно и прислушиваясь к шуму дождя...

И теперь, в селе Весёлом, много времени Генка проводил за книгами, которые приносила к его приходу домой сестра Аня из Петровской библиотеки. Сам читал и Женьке давал. Но Генке не нравилось, как Аришкин племянник читал книги: перевернет страницу, посмотрит на нее, переведет глаза на другую страницу, чуть задержится на ней и опять переворачивает. Ну что это за чтение? Поэтому Женька Ломтев и путает названия интересных книг.

Генка читает медленно, то и дело посматривает на непрочитанные страницы и жалеет о том, что они уменьшаются — продлить бы удовольствие... А когда прочитает книгу всю, вздохнет и задумается. Хотелось продолжения, но его нет. Тогда он сам придумывал его, фантазировал.

Над скучными книгами Генка не задумывался, но и читать их не бросал — раз начал, надо закончить. Но дочитывал он такие книги с единственным желанием: скорей бы добраться до последней страницы.

А в субботу Генка спешил в Глазовку — за другими книгами; к тому же теплилась надежда, что приедет на каникулы Валя Раннева и он встретится с ней. Когда именно будут у нее каникулы, Генка не знал, поэтому надеялся на каждую субботу. Проходили недели, но в глазовском клубе красноугольские девчата не появлялись, не оказывались они и в петровском клубе, когда Беляк и Трубкин приходили туда на разведку.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Пурга не могла удержать Генку — каждый выходной он ездил домой на лыжах. Дороги нет, никаких следов

не заметно, не видно ни зги; прикинет на глаз, в какой стороне должны находиться овраги, и пробирается к ним, налегая на палки — опирался. Доберется до оврагов, остановится, опять прикинет на глаз, где должен быть полустанок Хлудово, и снова в путь. Иногда выезжал правильно, но часто глаз его не совсем точно определял в пурге направление и приходилось блуждать. От полустанка Хлудово до Глазовки добираться легче: с левой стороны тянется деревня Петровка, а с правой — телеграфные столбы. Какой бы сильной метель ни была, очертания домов и столбов все же угадывались. Добравшись до деревни Душовой, Генка облегченно вздыхал: до Глазовки отсюда рукой подать. Эти две деревни разделял небольшой ольховник, Козина речка и луга. Тут надолго не заблудишься, отклонишься влево — окажешься в Погореловке, отклонишься вправо — попадешь в деревню Поповку. Так что не страшно.

В хорошую погоду ездить на лыжах, конечно, лучше, но и метель Генка никогда не ругал. Поземка бьет в грудь, в лицо, глаза то и дело залепляет снег, захватывает дыхание. А когда сорвешься вместе с лыжами с обрыва и загремишь вниз? Красота! Наваляешься, наползаешься — сам устал, руки скрючились, весь в снегу. Но ведь так домой хочется!

Мать стоит на крыльце и первые секунды даже не узнает Генку, потом всплеснет руками:

— Ой, батюшки! Да куда ты в такую погоду!

— Как куда? Домой!

Мать испугана, растеряна, а у Генки улыбка чуть ли не до ушей.

— Ой, батюшки! Заблудиться и замерзнуть недолго...

— Ничего, я свой путь наизусть помню! Вызубрил!

— Входи скорей в дом, отогревайся у плиты!

В голландке полыхает торф — тот самый, который Генка резал в Большом Оржавце после окончания семилетней школы. У плиты жарко. Генка сидит на табуретке, упершись ногами в голландку — от шерстяных носков и от брюк идет пар.

На улице темнеет. Мать зажгла в кухне коптилку, а в горнице семилинейную лампу.

— Аня ближе работает и то не пришла, а тебя даже буран не держит,— упрекнула она сына.

— У Ани лыж нет,— не растерялся Генка.— А пешком по таким сугробам не очень разойдешься.

— Да и на лыжах не разъедешься!— заметила Анастасия.— Наверно, больше трех часов добирался?

— Нет, не больше,— весело ответил Беляк.— Даже чуть поменьше.

— Ночь дома переспишь, а завтра после обеда в обратный путь собираться...

— Ну и что же? Зато почти целые сутки дома!

— Ты уж больше не рискуй в такую непогоду.

Генка обещал не рисковать, но на следующий выходной опять приехал домой в пургу.

— Когда выезжал из Весёлого, тишина была. Перед самой Петровкой забушевало,— успокаивал он мать.— Но тут уже близко, не страшно.

— У тебя всегда перед самой Петровкой метель начинается,— не поверила Анастасия.

2

Потеплело.

Солнце закрыто облаками, но снег таял быстро. Ручей под весёловским мостом с каждым днем расширялся и становился похожим на речку, которая наконец так разлилась, что мост оказался у нее в середине, и чтобы попасть на него, обязательно нужно раскатывать отвороты резиновых сапог, пробираться осторожно, чтобы не залить их. Весёловские жители убеждены, что этот мост не мешало бы сделать длиннее, но, говорят, в те времена, когда его строили, ручей так широко не разливался в половодье, потому что снегопадов было мало. А после почему-то снегопады увеличились, будто в насмешку над неопытными строителями. Снега больше и воды больше. К тому же в марте к снеговой воде добавлялась дождевая. Если честно, то проку от короткого моста в половодье было маловато, он становился просто островком, а иногда вода заливала его совсем. Но для дирекции Весёловской средней школы мост и ручей служили как бы барометром, который безошибочно предсказывал, что в ближайшее время ученикам, живущим на другой стороне села, нельзя будет посещать занятия,— значит, пора распускать всех на весенние каникулы.

В один из мартовских дней Генка Беляков раскатал свои резиновые сапоги, добрел по воде до моста, задержался на нем. Что ни говори, а все-таки интересно сто-

ять на мосту, как на островке. Один среди половодья, словно дед Мазай, только зайцев не хватает и лодки.

Генка дошел по воде до другого берега, закатал сапоги.

Путь сейчас длиннее, чем зимой, надо обходить овраги, в которых теперь скопилось много воды. Где шагом, где бегом. На полустанке Хлудово Беляк прислонился к деревянной стене склада, отдохнул и снова в дорогу.

При виде Генки мать, как обычно, всплеснула руками:

— Пришел! Не зря я нынче во сне куриные яйца видела! Целое решето! Все чистые, крупные! Встала и думаю: «Раз приснились яйца — обязательно кто-нибудь явится...» Вот и явился, среди недели!

Генка повесил на гвоздь фуфайку и шапку рядом с вещевым мешком, стал снимать резиновые сапоги, спросил:

— Воло́дька Трубкин не приходил?

— Какое не приходил! Каждый день спрашивает: «Генку не отпустили на каникулы? Генку не отпустили?..»

В сенцах загремела дверь.

— Вот и он,— усмехнулась мать.— Наверно, видал, как ты шел. И следом за тобой...

Анастасия не ошиблась, на пороге появился закадычный друг Генки Белякова конопатый, рыжий Володька Трубкин.

Он всегда с нетерпением ждал Генку. У обоих накапливалось много новостей. Генка подробно рассказывал о занятиях гантелями и гирями, Трубкин натаскал в дом разных железяк, тренировался ими вместо гантелей и гирь не меньше Беляка и Женьки Ломтева.

Друзья договорились, что после седьмого класса Володька тоже поступит в Весёловскую среднюю школу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Окончил Володька Трубкин семь классов, Генка перешел в девятый. Как договорились, так и получилось:

поступил Володька в Весёловскую школу. Продала мать овцу и на вырученные деньги купила велосипед.

Осенью Беляк и Трубкин стали ездить в село Весёлое вдвоем, ставили свои передвижные аппараты в сенцах тети Ариши, здоровались с ней и уходили в школу. Тетя Ариша пристально смотрела на Володьку, на его зеленый велосипед и ничего не спрашивала. Не пускался в подробности о своем друге и Генка Беляков, молчал и сам Трубкин.

Но сколько ни молчи, а когда-нибудь все равно объясняться с хозяйкой придется.

— Теть Ариша, тебе еще один квартирант не нужен? — спросил однажды Генка.

— Я так и знала! — весело воскликнула Нескучаева, всплеснув руками.— Гляжу, вдвоем ездят... Ну, думаю, еще один житель наклевывается. Главное понять главное! Озорной небось?

— Не-е, смирный! — заверил Генка.

Трубкин молча стоял у двери сенцев, переминался с ноги на ногу.

— Курит?

— Не-е! Пробовал — не понравилось, взял и бросил.

Тетя Ариша усмехнулась, нахмурилась.

— Бросил? А поднимать не собирается?

— Ни в коем случае!

— А ты?

— Не обо мне речь, теть Ариша...

— У меня обо всех речь. Увижу во рту цигарку — с губами оторву! А ты чего молчишь? — повернулась она к Трубкину.— На квартиру устраиваешься, а сам ни гугу...

Володька кашлянул, но опять ничего не сказал.

— Он стесняется,— ответил за него Генка.— Рыжие — они все стеснительные.

— Все да не все,— возразила тетя Ариша.— Ты в прошлом году говорил, что белобрысые все смирные, а сам вон какой, слово сказать не даешь. Помолчи много.

Трубкин продолжал переминаться с ноги на ногу.

— Отец есть? — спросила его тетя Ариша.

— Нет, на войне погиб,— наконец вступил Володька в разговор.

— Кроме матери, кто еще в семье?

— Бабушка и дедушка, но они живут в другом доме.

— Отдельно, значит. Бываешь у них?
— Каждый день.
— А как учишься?
Трубкин замялся, а Генка тут же выпалил:
— Хорошо, хорошо! Оценок ниже тройки почти совсем нет!
— Не тебя спрашиваю,— недовольно посмотрела на него тетя Ариша.— Ишь как распинаешься за товарища. Ладно, главное узнать главное... Как говорится, бог любит троицу. Черный квартирант у меня есть, белобрысый есть, теперь еще и рыжий будет. Квартиранты трех мастей, каждый день жди новостей!.. Ты сказал ему, что Елена Сидоровна и Григорий Николаевич мои давнишние друзья и я с ними запросто? — спросила она Генку.
— Предупредил.
— Ну вот,— довольно произнесла она.— Главное сказать главное... Никаких послаблений от меня не ждите, чуть что... со мной разговор короткий, среди зимы выгоню. Предупреждал, что я сердитая?
— Все рассказал, теть Ариша,— кивнул Генка.
— И все равно ко мне рвется?
— Все равно.
— Ладно, живите у меня,— махнула рукой хозяйка.— Вчетвером нам будет веселей.

2

Беляк и Трубкин узнали, что на полустанке Хлудово можно разгружать вагоны с углем и получать за это неплохую плату. В своем колхозе им приходилось собирать колосья на скошенном поле, пасти телят, свиней, но за их работу получали матери — хлебом.
— Слушай, Володька, давай попробуем разгружать уголь,— сказал Генка товарищу.
— А если не осилим? — заколебался Трубкин.— Работа такая... язык можно высунуть.
— Не паникуй!— настаивал Беляк.— Курить бросили, спортом занимаемся...
— Так ведь со взрослыми разгружать придется...
— Вот и хорошо, по крайней мере будем знать, на что способны.
— Нас матери не пустят, а если пустят — запереживаются,— сказал Володька.— Придут глядеть, управ-

ляемся ли... А то еще додумаются — помогать начнут!

— А мы не скажем никому,— предложил Генка.— После уроков поработаем.

— Хорошо, рискнем,— наконец согласился Трубкин.

Табельщик Кузьма Егорыч занес новоявленных тружеников в список поденных рабочих. Со склада принесли совковые лопаты и лом, опытный рабочий стал открывать ломом люки — от хлынувшего на землю мелкого антрацита поднялась густая пыль.

Велосипеды лежали на траве недалеко от вагона. Ребята сняли с себя куртки и фуражки, совковыми лопатами стали отбрасывать уголь в общую кучу. Когда из открытого люка переставал сыпаться антрацит, рабочий должен был лезть в свое отделение через верх вагона и обрушивать уголь. Пыль стояла столбом. Аришкины квартиранты сняли взмокшие рубашки.

— Давай и штаны на велосипед повесим,— сказал Трубкин.

— Можно,— согласился Беляк.— Все равно жарко.

— Без штанов у нас не работают,— остановил их находившийся неподалеку табельщик.— По технике безопасности не положено.

Пришлось продолжать работу в брюках и в майке.

Совковая лопата входила в антрацит со скрежетом и скрипом. С самого начала разгрузки Генка заметил, что в мелочь она входит намного легче, и он стал стремиться вгонять свой инструмент в мелкий уголь — так, чтобы поверх мелочи наваливались крупные куски антрацита. Трубкин делал точно так же. Иногда попадались глыбы, которые невозможно поддеть лопатой, и ребята вытаскивали их руками. Усталость давала о себе знать, от непривычной работы болели ладони, тяжелели руки, становилось трудно дышать. Угольная пыль попадала в глаза, щекотала в носу и скрипела на зубах.

— Ты чумазый, как тракторист,— сказал Трубкин.

— А ты — как шахтер,— усмехнулся Беляк.— Где только отмываться будем.

Табельщик Кузьма Егорыч слышал разговор молодых тружеников и поспешил успокоить их:

— За складом есть колонка, вода в ней чуть ли не газированная... Мыло дадим. Отмоетесь — чище станете, чем раньше...

Аришкиным квартирантам казалось, что время летит быстро, а уголь в вагоне убавляется очень медленно, они часто посматривали из-под ладони на солнце, которое играло лучами, будто радовалось, что мальчишки не отстают в работе от взрослых. Прислушиваясь к советам опытных грузчиков, они старались меньше пить воды, чтобы не потеть, но в конце работы ребята с жадностью напились досыта. Отойдя от колонки, Генка почувствовал, что все его тело моментально взмокло, по вискам и по лбу потекли ручейки, с носа и с подбородка стали падать капли.

— Эх вы, калымщики! — пожурил их Кузьма Егорыч.— Учились бы и учились, ан нет, не терпится свои силы попробовать. Торопыги! Ну ничего, ничего, понюхайте уголек, попотейте. Вреда от этого не будет.

С работой мальчишки управились вместе со взрослыми. Долго хлопали штанами по телеграфному столбу, выбивая из них пыль. Помыли ботинки, помылись сами, майки пришлось постирать в холодной воде.

— Главное сделать, главное, сказала бы сейчас наша хозяйка,— ликующе произнес Генка Беляков.

— Точно, так и сказала бы,— весело согласился с ним Володька Трубкин.— Не зря курить бросили и спортом занимаемся...

3

Ребята были уверены, что в селе Весёлом никто не знает об их трудовых делах. Когда на следующее утро они ставили велосипеды в сенцах тети Ариши, она вышла из кухни.

— Явились, не запылились... А я вас нынче не ждала, думала, второй вагон возьметесь разгружать...

Квартиранты опешили. Трубкин молча топтался у двери, а Генка, удивленно глядя на хозяйку, спросил:

— Как же вы узнали, теть Ариша?

— По телефону позвонили,— усмехнулась она.— Позвонили в сельсовет и просили передать в школу, какие вы герои.

— Кто же это сделал? — спросил Генка.

— А я почем знаю? Мне все равно, главное узнать главное.

— Наверно, табельщик,— предположил Беляк.

— Точно, Кузьма Егорыч додумался,— сказал Трубкин.

Аришкины квартиранты пошли в школу.

— Идут, идут...— донеслись до них голоса с антресолей веранды.— Герои труда! Братцы, вот на ком земля-то держится!

Раздался сдержанный смешок.

— О-о-о!..

— У-у-у!..

— Стахановцы им и в подметки не годятся!

— Пупки земли!

— По такому случаю не мешало бы и оркестр пригласить!..

Генка понимал, что иронизировали куликовские ребята во главе с Гриней Воробьёвым. После вчерашней разгрузки болело все тело, и вступать в спор не хотелось; коротко бросив приветственное слово, Беляк поднялся по ступенькам.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Класс, в котором учились Генка Беляков и Женька Ломтев, был смежным с другим классом — четвертым. Чтобы попасть к себе или выйти от себя, старшеклассникам ежедневно приходилось проходить через него по многу раз. Учительница четвертого класса работала в Весёловской школе недавно, еще не успела привыкнуть к новому месту. Так получалось, что она часто задерживала своих учеников после звонка, и тогда старшеклассники, с шумом выбегавшие на перемену, мешали ей заниматься. Сама она почти не уходила из класса, поэтому после перемены рано усаживала малышей за парты. А старшеклассники возвращались к себе, как говорится, тютелька в тютельку перед приходом преподавателя. Задержавшийся после звонка обязательно должен был просить у молодой учительницы разрешения пройти, хотя в старшем классе преподавателя еще не было. Учительницу нервировали эти бесконечные хождения, и она провожала ребят недовольным взглядом. Находились и такие, которые пробегали через пре-

ходной класс молча, будто так и надо. Тогда учительница входила следом за нарушителем дисциплины и, когда он садился за свою парту, смотрела на тетрадь, лежащую перед ним, и уходила. Спустя некоторое время нарушителя вызывали в учительскую, по возвращении из которой у многих горело не только лицо и уши, но и шея.

2

Прозвенел звонок на урок. Пока Генка управился со своими неотложными делами и добежал до корпуса школы, в проходном классе уже начались занятия. Молодая учительница сидела спиной к Белякову и увлеченно объясняла что-то ученикам. Генка решил попытать счастья — тихонько прошмыгнуть мимо нее. Вдруг повезет и она не заметит его?

Он осторожно, на цыпочках, прошел мимо учительницы на глазах малышей, которые с огромным интересом наблюдали за крадущимся старшеклассником, перестав слушать объяснение. Генка был уже у двери своего класса и прикоснулся к ручке, когда малыши дружно засмеялись над его проделкой. Учительница оглянулась, встала и пошла следом за Беляковым.

Преподавателя в девятом еще не было. Генка соображал, как ему избавиться от вызова в учительскую. В глаза бросилась свободная парта Грини Воробьёва. Сам Воробьёв мерился силой с Женькой Ломтевым в окружении одноклассников. Раздумывать было некогда, и Беляков сел на место своего давнишнего неприятеля. Учительница тут же прочитала на тетради Грини что ей нужно и молча ушла.

Генка пересел на свою парту. Никто ничего не понял, все были увлечены борьбой Женьки и Грини, в которой побеждал низкорослый Женька. В класс вошел преподаватель физики Григорий Николаевич, и все кинулись на свои места. Из проходного класса доносился шум — вероятно, молодая учительница побежала жаловаться директору на очередного нарушителя дисциплины.

Классный руководитель отметил в журнале, кто отсутствует, получил от Женьки Ломтева точные сведения о домашнем задании по физике и стал сочинять

вслух задачу. У Генки появилось предчувствие, что эту задачу придется решать ему, Генке, потому что на прошлом занятии он получил пятерку и Григорий Николаевич не удержится, чтобы не проверить, каждый ли день Генка готовит уроки. Беляков так научился все рассчитывать и предчувствовать на уроках физики, что за последние два года ни разу не ошибся. Когда он шел к доске на этот раз, дверь класса открылась, и в проеме показалась техничка.

— Воробьёва срочно к директору,— громко сказала она.

«Начинается...» — подумал Генка.

— Опять чего-нибудь?..— укоризненно посмотрел на Гриню классный руководитель.— Идите, разбирайтесь.

Воробьёв недоуменно пожал плечами и вышел. Григорий Николаевич стал сочинять вторую задачу — другого варианта. У Генки появилось подозрение, что ее придется решать Аришкиному племяннику, потому что на прошлом уроке физики он получил оценку ниже тройки. Подозрение не обмануло Генку и на этот раз. Женька подошел ко второй доске и тоже стал записывать условие задачи.

Григорий Николаевич отвернулся от них, сформулировал первый вопрос для устного ответа и сказал:

— Жалко, Воробьёва нет, хотел его спросить. Ладно, вызову чуть позже.

Но в первой половине урока Гриня не вернулся. После того как Аришкины квартиранты получили за свои ответы по троечке, Григорий Николаевич задумчиво произнес:

— Вероятно, никак не придут к общему знаменателю... Интересно, что он натворил?

Физик начал объяснять новую тему.

Воробьёв пришел минуты за три до конца урока — краснолицый, красноухий и злой.

— Что произошло? — поинтересовался классный руководитель, но не получил никакого ответа.

Гриня недовольно сопел, хмуро уставившись в одну точку. На перемене он ни с кем не разговаривал, а со следующего урока его опять увела техничка.

На этот раз Воробьёв вернулся с влажными волосами и намного красней, чем в первый раз. Можно было подумать, что вместо учительской он попал в баню. Гриня рассеянно перебирал учебники и тетради, недо-

вольно шевеля губами — похоже, ругал кого-то. После урока литературы на все вопросы одноклассников он огрызался и советовал лучше не приставать к нему. Но с напарником по парте Виктором Усовым он все-таки поделился своим несчастьем:

— ...Смотрит на меня и твердит, что я прошел через ее класс без разрешения и даже паясничал на глазах малышей. Завуч с директором наседают — дескать, проси у нее извинения. А как я буду просить, если не виноват?.. Классный руководитель подключился, вчетвером шпигуют. Про все грехи вспомнили... До занятий не хотят допускать, если не приведу кого-нибудь из родных. Придется топать за мамашей, давно она не была в этих краях...

Выходит, учительница четвертого класса так и не догадалась, что Гриня не нарушитель дисциплины. Все внимание уделила лежащей перед Генкой тетради, а его не запомнила. .

Беляк не находил себе места. У него появилось такое чувство, будто кто-то укоризненно смотрел ему в спину, и он внутренне сжимался, вбирая голову в плечи, ему казалось, что он становится меньше ростом. Перед глазами стояли директор школы, завуч, классный руководитель, учительница четвертого класса и среди них — Гриня Воробьёв, красный как рак.

3

Перед учительской Беляков остановился, ладонями пригладил белобрысый чуб, шумно вдохнул в себя воздух, поежился, словно собирался войти в холодную воду, и открыл дверь.

— С чем пожаловали? — спросила его завуч Елена Сидоровна.

— Мне нужно к директору...

— Очень серьезное дело?

— Очень.— Генка опять пригладил волосы.

Елена Сидоровна шагнула в кабинет директора.

— Леонид Тимофеевич, пришел ученик из старшего класса... Геннадий Беляков.

— Знакомая фамилия! — донеслось до Генки восклицание Тарабрина.— Его никто не вызывал?

— Никто, сам пришел. Желает говорить только с вами.

3 Заказ 515

— Любопытный случай! — В проеме двери появился директор школы, внимательно посмотрел на Генку, тихонько постукивая очками по ладони.— Никто не вызывал, никто не приводил... По-моему, Беляков Геннадий еще ни разу не приходил в учительскую по собственному желанию...

Леонид Тимофеевич проработал в Весёловской школе большую часть своей трудовой деятельности, и теперь, в пенсионном возрасте, он не думал уходить на отдых.

Высокий, худой, чуть сутуловатый, с густыми седыми волосами, он казался моложе своих лет. Тарабрин продолжал серьезно смотреть на Генку и постукивать очками по ладони, озадаченный визитом далеко не примерного ученика.

— Пришли отпрашиваться на разгрузку вагона? — спросил Леонид Тимофеевич, тая улыбку.

— Нет, не за этим.

— Тогда что же привело вас ко мне, молодой человек?

Генка вздохнул и поежился, как перед входом в учительскую.

— Зря ругаете Гриню Воробьёва. Это не он прошел без разрешения учительницы через класс, а я... Ошиблась она, не запомнила мое лицо.

Беляк подробно рассказал обо всем.

Тарабрин перестал постукивать очками по ладони, надел их, молча посмотрел на завуча Елену Сидоровну, а она так же молча посмотрела на директора. Генка стоял, уронив на грудь голову, не обращая внимания на упавшие на лоб волосы.

— Пошлите за Григорием Николаевичем и Сердобиной,— сказал Тарабрин завучу.— Пусть немедленно идут сюда!

Генка опустил голову еще ниже.

Ну, сейчас начнется! Соберутся все вместе и сделают нахлобучку. Придется приводить в школу мать, дазы она не была в этих краях, сказал бы сейчас Гриня Воробьёв.

Леонид Тимофеевич подвинул Беляку стул.

— Садитесь, молодой человек.

Такое гостеприимство очень удивило Генку. Обычно во время проработки его никогда не сажали.

Пришел Григорий Николаевич и учительница четвертого класса Сердобина.

Тарабрин попросил всех соблюдать полнейшую тишину, и Генка оказался в центре внимания педагогов. Все сидели, стоял один директор школы. Он прошелся взад-вперед, постукивая очками по ладони, попросил Генку повторить свое признание.

Кряхтя и обливаясь потом, Беляков повторил.

— Ой, правда! — воскликнула учительница четвертого класса.— Теперь узнала, это действительно он!

Тарабрин остановился около Генки.

— Обратите внимание, товарищи. До сих пор фамилия этого ученика склонялась во всех падежах чуть ли не на каждом собрании, но его сегодняшний поступок говорит о многом... Идите, Беляков Геннадий, учитесь. Наказывать вас не будем!

Получив аттестат зрелости, Генка и Женька зашли к Нескучаевой. Она как раз пришла с работы, готовила обед.

— Спасибо вам за все, теть Ариша,— сказал Беляков.

— Что ты! Что ты! — замахала руками хозяйка.— Меня ли благодарить! Я вон как вас костерила!

— Правильно костерили, тетя Ариша. Я никогда вас не забуду.

— Все было, как надо,— поддержал товарища Женька и достал из нагрудного кармана пиджака фотографию выпускного класса.— Вот, оставляем на память.

Тетя Ариша взяла фотографию, с улыбкой посмотрела на нее.

— Ишь какие красавцы. Я ее в рамочке над столом повешу.— Она обняла своих квартирантов.— Рада я за вас... Ох как рада! Осенью мой сын из армии вернется, расскажу ему... Вы мне все как родные. Привыкла, жалко расставаться. Но... главное сделать главное.

— Мне тоже жалко с вами расставаться,— сказал Генка.

— Доброго вам пути, мои дорогие. Садитесь за стол, поешьте ветчинки на дорожку.

В Глазовке Генку ожидали приятные новости. Мать вручила ему письмо и отошла к загнетке печи, стала подкладывать под таган дрова. Генка прочитал обратный адрес и почувствовал, как загорелось лицо, тревожно забилось сердце. От Вали Ранневой!

Читать письмо при матери не хотелось, сунул нераспечатанный конверт в нагрудный карман пиджака. Стараясь скрыть волнение, Генка с нарочитой медлительностью прошелся по кухне, взял с полки молоток и гвозди — будто собирался хлопотать по хозяйству. Выйдя из дому, он бросил молоток и гвозди у крыльца, побежал в сад. Там Генка сел под старой яблоней, торопливо стал распечатывать конверт.

«Здравствуй, Гена! Здравствуй, Беляк, сорванец моего детства!» — чудился ему голос Вали Ранневой, когда он начал читать. В письме она подчеркивала, что после их последней встречи прошло почти три года — на полустанке Хлудово, когда Валя уезжала в Минск, а Генка провожал в Москву свою сестру Аню. Валя признавалась, что сжимала тогда в кулаке бумажку, на которой был написан ее адрес. Она собиралась передать этот адрес Генке, но он не подошел... Так-то вот, Беляк! Ее называл ежихой, а сам еще ежее, совсем забыл подругу детства. Уж не вернулась ли в Глазовку Зойка Сергеева?..

В прошлом году Валя приезжала на несколько дней к матери в Красный Угол, хотелось встретить кого-нибудь из одноклассников, но никого не встретила, все разъехались. Узнала, что он, Генка, учится в селе Веселом, и теперь Валя поздравляет его с окончанием средней школы, с получением аттестата зрелости.

А в конце июля она приедет в родные края на целый месяц! Как у Генки велосипед? Не сломался ли? Если сломался, то пусть Генка обязательно исправит его, он может пригодиться. Большой привет от нее Володьке Трубкину. Вера Тяпникова учится в Рязани, и она с Валей договорились в письмах, что приедут в Красный Угол в одно время. Встретятся все четверо — будет чем вспомнить и поговорить.

А как Генка собирается жить дальше? Где продолжит свою учебу? Пусть он пишет Вале обо всем, и почаще. Одноклассники не должны забывать друг друга.

ры всег. . приходя
показывает свобод
вать к поезду, он
свет, будит и отда
порядок. Одеваютс
при свете. А этот
ет? Странно.

Между портьера
рические лампочки
в комнату свет от
фигура человека р
подошел к стулу и

А Толяна пересе
ему не приходилос
близко, и он не
обыкновенный вор-
будь и никак не
потревожить сон
Толян догадался:
цу на стуле. А все
одеяло, хотел опус
щелкнул портьер

ГОРЯЧАЯ СТРУЖКА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Часа в два ночи Толян Морковин вздрогнул, будто кто-то прикоснулся к нему, и проснулся. Отдыхающие похрапывали. Насторожил шорох — похоже, в комнате одевались или раздевались. Но почему в темноте? Новые пассажиры всегда приходят сюда вместе с дежурной, которая показывает свободные койки. Если кому-то пора вставать к поезду, опять приходит дежурная, включает свет, будит и отдает закомпостированный билет. Такой порядок. Одеваются и раздеваются в комнате отдыха при свете. А этот копается в темноте. Что же он делает? Странно.

Между портьерами на больших окнах видны электрические лампочки над железнодорожными путями, но в комнату свет от них почти не попадал. Полусогнутая фигура человека различалась в темноте смутно, вот он подошел к стулу и начал копаться там.

У Толяна пересохло во рту. За свои семнадцать лет ему не приходилось видеть городских карманников так близко, и он не мог поверить, что сейчас перед ним обыкновенный вор. Может, гражданин потерял что-нибудь и никак не найдет? Ищет в темноте — не смеет потревожить сон отдыхающих пассажиров. Звякнуло. Толян догадался: пряжка ремня стукнула о пепельницу на стуле. А все-таки тут нечисто. Он смахнул с себя одеяло, хотел опустить ноги с койки, но в это время щелкнул портсигар и раздался заспанный голос:

— А? Что? Зачем?..

— Закурить...— шепотом ответил кто-то.— Папиросу...

— Не курю, спроси у кого-нибудь.

— Вот... Уже нашел... в портсигаре.

Этот короткий разговор успокоил Толяна, и он опять натянул на себя одеяло. Ничего страшного, проснулся заядлый курильщик и, не обнаружив у себя папирос, пошел искать курево у спящих соседей. С заядлыми курильщиками такое случается, они мусорное ведро готовы вывернуть наизнанку, чтобы найти окурочек. Вот он и копался в чужих пепельницах и портсигарах. Неприлично, конечно, но что поделаешь...

Вспыхнула спичка, на несколько секунд осветила стройный ряд коек и скрюченного человека — в майке, в длинных трусах. Человек стоял к Толяну спиной, и лица его не было видно. Спичка погасла, парень подошел к своей койке, покряхтывая и постанывая, между тем огонек папиросы светился от частых затяжек. Чего это он? Скорчился, курит и стонет. Больной, что ли? Странный какой, сам болеет, а в папиросу вцепился чуть ли не обеими руками.

Начала одолевать дремота. Толян слышал, как странный курильщик гасил папиросу, как скрипели под ним пружины. Потом перед глазами Морковина появилась мать, сестра, показался длинный пассажирский состав, под ногами сумки, чемоданы...

Проснулся он от яркого света, который только что включила дежурная. Она разбудила сразу троих отдыхающих.

— Вот ваши билеты.

За окнами занималось утро, электрические лампочки над железнодорожными путями потускнели. Морковин сразу же обратил внимание на койку, где отдыхал странный курильщик. Она была пуста, постель аккуратно застелена. Значит, уехал. Жаль, что Толян проспал и не видел курильщика при свете.

— А этот... больной давно ушел? — спросил Морковин, показав пальцем на койку у двери.

— Этот? — переспросила дежурная.— С полчаса как ушел. Только никакой он не больной. Больные бегом по ступенькам не спускаются. Как резиновый мячик подпрыгивал... Не спеши, говорю ему, не опоздаешь.

Трое молодых мужчин оделись, проверили в карманах свои документы. Один, в сером плаще и в серой шляпе, держа в руках открытый паспорт, рассеянно усмехнулся:

— Очистили... Ни рубля не оставили...

— Да что вы, молодой человек! — испуганно посмотрела на него дежурная.— У нас не балуют...

— Не балуют,— уже не растерянно, а сердито сказал гражданин в серой шляпе.— Не знаю, как тут у вас было раньше, но сегодня ночью побаловали.

Двое других мужчин еще раз проверили свои бумажники. У них все на месте.

— Вот видите,— кивнула на них дежурная.

— Я про себя говорю,— злобно прервал ее гражданин.— Меня обокрали! А вы ручаетесь за всех проезжающих! Глупо! — Он взял черный портфель и пошел к выходу. Открыв дверь, остановился.— Поезд вот-вот придет, а то бы я...— Гражданин обвел взглядом комнату.— Ладно, пусть подавится! — Он плюнул и захлопнул за собою дверь.

Морковин продолжал лежать, пораженный случившимся. Теперь у него не было сомнения, что ночной курильщик — вор. И он, Толян, проразинил его. Надо было тогда включить свет и разбудить всех. А того кряхуна — в милицию.

Больше Толян заснуть не мог. Когда дежурная пришла будить его, стало совсем светло и он лежал с открытыми глазами.

— Не спишь, белокурый? — улыбнулась пожилая женщина.— Вот билет, скоро придет поезд.

Морковин оделся, вышел вместе с дежурной в коридор и спросил ее:

— Вы не запомнили лицо того человека, который спускался отсюда вприпрыжку, как резиновый мячик?

Она пожала плечами.

— Разве все лица запомнишь? Их столько тут мелькает! А зачем это?

— Он копался ночью в чужой одежде, по карманам шарил.

Дежурная смотрела на Толяна недоверчиво.

— Видел, а не позвал меня...

— Не мог спросонья понять, что происходит. Только теперь стало ясно.

— Вот что, белокурый, после драки кулаками не

машут, после дождя шубу не выворачивают. Ступай, а то на поезд опоздаешь.

Спускался Толян по лестнице со второго этажа, а перед глазами стояла скрюченная фигура вора и лицо обворованного гражданина в сером плаще и серой шляпе.

2

Девятое техническое училище города Энгельса готовило рабочих по двум специальностям: токарь-универсал и слесарь-сборщик. Сюда собрались молодые люди из разных деревень, большинство юношей и девушек приехали сразу же после окончания десяти классов, но немало было и таких, которые уже поработали в колхозах и совхозах.

В группе токарей-универсалов, где учился Толян Морковин, было двадцать два человека, из них — всего пять девушек. Общежитие в техническом училище только мужское, поэтому всех девушек определили на частные квартиры за счет училища. А семнадцать парней поселили в одну большую комнату на втором этаже трехэтажного здания, построенного из красного кирпича лет сто с лишним назад. Оно находилось рядом с железнодорожным переездом, недалеко от берега Волги.

Круглый стол у стены, семнадцать железных коек, восемь тумбочек, шифоньер и радиодинамик — вот и вся мебель в комнате, где жили будущие токари-универсалы. Койка Толяна Морковина под большим окном, по одну сторону от нее койка Фокина из Борзовки, по другую — Объедкова из Арбузовки. Проходы между койками узкие.

До начала занятий учащиеся должны успеть позавтракать в столовой училища. От общежития до столовой минут пятнадцать езды автобусом, а от столовой до училища минут пятнадцать ходьбы. Желающих уехать утром общественным транспортом бывало немало, и учащимся технического училища долго приходилось метаться на остановке. В автобусы проникнуть очень трудно, нередко приходилось опаздывать к завтраку. А не если утром опоздал, в столовую можно попасть раньше обеда — каждый должен знать свое время.

Те, кто не надеялся уехать быстро, стали мелкой рысцой бегать от общежития до столовой — получался марш-бросок, вместо утренней зарядки. Пока бежишь, от сонливости не остается и следа, настроение становится бодрым — особенно когда начинает виднеться столовая. А в автобусе все пуговицы оторвут, ноги отдавят и бока намнут. Постепенно от общественного транспорта отказались все семнадцать будущих токарей-универсалов. Сначала бегали разрозненно — по два-три человека, разными путями. Но со временем решили на организованный марш-бросок, как в армии. Выстраивались у ворот в две шеренги, и по команде старшего начинался бег.

В группе токарей оказались два ученика с одинаковой фамилией, но никакого родства между ними не было, просто однофамильцы. Мишка Туков приехал из села Рассказово Тамбовской области, а Лешка Туков из поселка Тамалы Пензенской области. Лешка маленький, волосы у него всегда взъерошены, не поддаются никакой расческе, выглядел он намного моложе Мишки, хотя и был старше его на целый год.

Командовать бегом выбрали Мишку Тукова из Рассказова. Он среднего роста, с небольшой лысиной, из-за которой его и считали в группе старше всех. Кому же еще командовать марш-броском, как не ему? И Мишка Туков из Рассказова охотно командовал.

Организованный марш-бросок намного лучше разрозненного. Во-первых, был избран единственный, самый короткий путь до столовой. Во-вторых, когда они бежали двумя шеренгами, дежурившие на перекрестках милиционеры пропускали их в первую очередь, останавливая движение городского транспорта. И в-третьих, в столовую они входили дружной гурьбой, шумно рассаживались за столами, быстро справлялись с завтраком и приходили на занятия без опозданий.

Организованно стали ходить на обед и на ужин. Вскоре Мишку утвердили старостой токарной группы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Семнадцатилетний краснощекий крепыш Пеньков любил разглагольствовать о пользе спорта для здо-

ровья человека. Сам пухленький, кругленький, выйдет на середину комнаты и, опираясь на спинку чьей-нибудь койки, начнет хвастаться:

— Бодрость — она откуда берется? От спорта! Поделаешь различные упражнения, умоешься холодной водичкой и все в тебе играть начинает! Главное, утром встать пораньше...

В таком духе Пеньков не уставал выступать чуть ли не каждый день. А утром его не мог разбудить включенный на всю мощь радиодинамик и шум шестнадцати товарищей. Сначала Пенькова толкали осторожно, потом настойчиво трясли за плечо, потом поднимали с постели и ставили на ноги. Он мотал косматой головой, тер глаза и, зевая, вялой походкой отправлялся умываться.

А днем опять за свое:

— Особенно полезна утренняя зарядка. Я, когда жил у себя в Сургучевке, каждое утро занимался. И водные процедуры...

— Ты что, издеваешься над нами? — сказал ему однажды староста группы.— Если мы еще раз услышим от тебя что-нибудь про спорт, то мы тебе такую зарядку сделаем — навсегда запомнишь.

После этого Пеньков притих.

Все, у кого отцы погибли на войне с гитлеровцами, находились на полном государственном обеспечении, их кормили, обували, одевали. Форма учащихся технического училища издалека похожа на морскую, только бескозырок не было и знаки на блестящих пуговицах другие: молоточки. Ребятам не терпелось надеть эту форму, но ее выдачу задерживали.

И вот наконец наступил долгожданный день. Шум в общежитии не смолкал до поздней ночи. Кто крутился перед единственным зеркалом на двери шифоньера, кто ушивал брюки, кто укорачивал шинель или закреплял пуговицы. Когда легли спать, долго переговаривались в темноте — все о той же форме: у кого длинновата, у кого широковата... Заснули почти перед рассветом.

В ночной суматохе кто-то повернул регулятор громкости радиодинамика не в ту сторону, и утром он молчал. Давно уже было пора отправиться марш-броском в столовую, но ребята спали.

Лешка протер глаза, глянул на ручные часы и завизжал:

— Подъе-о-ом! Продры-ыхли-и-и!

Заскрипели железные койки, зашуршала одежда, зашлепали по полу босые ноги.

Мишка повернул регулятор громкости радиодинамика и, услышав, как диктор сказал о времени, метнулся к своим брюкам. В комнате поднялся такой шум и грохот, что совсем заглушили радио. Суетились, спотыкались, наскакивали друг на друга, выбегали из комнаты.

На этот раз всю дорогу мчались быстрей обычного, почти без передышек. В столовую ворвались возбужденные, красные, долго не могли отдышаться. Но к завтраку все же успели.

Когда поели и собрались уходить, Толян Морковин недоуменно пожал плечами:

— Ребята, а у нас лишняя порция. Откуда она взялась?

— Наверное, раздатчица ошиблась,— предположил староста.

— Нет, все правильно,— возразил Лешка.— Просто...— Он обвел взглядом ребят.— Просто среди нас нет одного субчика... Догадывайтесь — кого?

Все притихли, оглядывая друг друга, потом выдохнули хором:

— Пенькова!

— Вот это номер! — схватился за лысую голову Мишка.— Забыли про Пенькова! Не разбудили! Ведь его духовым оркестром будить надо! И радио, наверное, он выключил, чтобы поспать побольше... Ах, каналья!

2

На занятиях Пенькова не оказалось.

Когда дежурный по группе Объедков назвал преподавателю токарного дела Андрею Петровичу отсутствующих, тот сделал замечание:

— Перечислить фамилии — мало, необходимо объяснить, почему нет этих товарищей. Говорите подробнее.

Объедков не имел представления, почему не пришли две девушки и как лучше сказать о Пенькове, поэтому он беспомощно оглянулся по сторонам, надеясь,

что кто-нибудь подскажет ему, о чем же говорить дальше.

— На старосту вали,— шепнул ему Фокин, который сидел рядом с ним.— Он зрачок всей группы, про всех все должен знать. А ты, как говорится, мелкая сошка...

— Я, как говорится, мелкая сошка в этом деле,— подхватил Объедков.— Моя обязанность назвать отсутствующих. А вот староста, как говорится, зрачок всей группы...

— Садитесь,— недовольно сказал Андрей Петрович.— Порядочный дежурный обязан до начала занятий узнать все необходимое. А раз вы не сделали этого —значит, недобросовестно отнеслись к своим обязанностям. Сегодняшнее дежурство вам не засчитывается, попробуйте исправить свою ошибку завтра. А вы, Туков Михаил, отвечайте на мой вопрос.

Андрей Петрович тоже начинал лысеть, как и староста группы, поэтому они здорово походили друг на друга. Мишка встал, задумчиво посмотрел на потолок и начал объяснять:

— Дело в том, что Пеньков сегодня дежурный по комнате в общежитии. А дежурный по комнате освобождается от занятий, чтобы помыть полы, навести чистоту к нашему возвращению.

— Такой порядок мне известен. Но почему отсутствуют девушки?

— Девушки?.. Дело известное, Андрей Петрович,— развел руками староста группы.— Объелись мороженого, как обычно, и заболели.

— Неправда! — вскочила Мария Зубкина.— У Люси Булкиной ангина, но не от мороженого. А к Оле Зайцевой мама приехала...

— Но все говорят, что они объелись мороженого,— настаивал на своем Мишка Туков.

— Да нет же! Нет! — топнула ножкой Мария Зубкина.— Я правду сказала!

— Довольно,— поднял руку Андрей Петрович.— Картина ясная. Садитесь, приступим наконец к занятиям по токарному делу.

На перемене староста группы отчитал Объедкова:

— Сам не мог выкрутиться, думать не хочешь... Я же говорил после завтрака: не назначаю дежурного по комнате потому, что там остался Пеньков и мы будем считать его дежурным.

— Я не слышал про это,— буркнул Объедков.— Растерялся.

— Эх ты, тетеря.

3

Когда ребята вернулись в общежитие, Пенькова в комнате не было.

Койки не заправлены, на столе и на тумбочках разбросаны учебники, тетради, на полу мусор, а недалеко от двери лежал чей-то старый порванный ботинок со стоптанным каблуком.

— Значит, не догадался подежурить,— разочарованно произнес староста, остановившись возле своей койки.— И на занятия не пошел, и тут от него никакого толку. Даже ботинок не убрал с дороги, как оставили утром в суматохе, так и лежит. Ничего не убирать! И ботинок не трогайте!

Пеньков пришел часа через два.

Все лежали на своих койках, читали учебники. Толян Морковин насторожился, отложил книгу в сторону и стал ждать, что будет дальше. Не он один наблюдал за Пеньковым, на него смотрели все.

Пеньков как ни в чем не бывало молча прошел к своей койке, присел, скрипнул дверцей тумбочки.

— Не споткнулся? — встал Мишка.

— Чего? — не понял Пеньков.

— О ботинок, говорю, не споткнулся?— уточнил староста.

— Нет, перешагнул...

— Ах, перешагнул! — Староста бросил учебник на постель.— Находчивый парнишка... Ты почему на занятиях не был?

— Вы же меня не разбудили...— Пеньков копался в тумбочке.

— Ах, вон оно что! — воскликнул Мишка.— Слышите, ребята? Мы его не разбудили! Все виноваты в том, что Пеньков не попал на занятия! Вот какие мы плохие!

— Да, нехорошо мы поступили,— иронически поддержал его Толян, покачав головой.— Хуже некуда.

— Нашел папеньку с маменькой! — негодовал староста.— Каждое утро поднимать его надо за белые рученьки! — Он подошел к Пенькову и, сцепив за спиной

пальцы рук, хмуро спросил: — Ты зачем ночью динамик выключил?

— Не прикасался я к нему,— отказался Пеньков.— Спал без задних ног.

— Ну вот что, дорогой, пока ты не остался и без передних, закатывай рукава, бери швабру, ведро с водой, тряпку и порезвись немного. Дежурный ты сегодня! Понял? Или подробней объяснить?

— Все ясно.— Пеньков перестал копаться в тумбочке; кряхтя и ворча, он приступил наконец к обязанностям дежурного по комнате.

Староста принимал у него работу придирчиво, тщательно осмотрел стол, тумбочки, заглянул под каждую кровать и за шифоньер.

Спать легли пораньше и быстро заснули — все, кроме Пенькова. Днем выспался, а теперь на него напала бессонница. Кругом храпели, а он долго ворочался с боку на бок.

Утром его трясли за плечи, дергали за ноги, брали за грудки и чуть не порвали на нем майку. Он отмахивался, отбрыкивался и ругался. Пытались поставить его на ноги, но колени подламывались, и Пеньков валился на постель.

— Ребята, дружней,— моргнул одним глазом Толян Морковин.— Понесем его...

Пенькова взяли за ноги, за руки и весело понесли на улицу. Он проснулся, стал вырываться, но его не отпускали. На берегу Волги Пенькова раскачали и кинули в воду. Стоял конец сентября, погода солнечная, и вода в Волге еще теплая. Пеньков, кашляя и отплевываясь, устремился к песчаному берегу, прополз мимо своих товарищей, не обращая на них ни малейшего внимания, поднялся на ноги и пустился бегом к общежитию.

— Ай! Ай! — глядя на него, удивлялась встречная старушка и всплескивала руками.— Туда несли, а оттуда сам побежал!

На следующее утро Пенькова будить не стали, к нему подкрались, стащили с постели и опять понесли к Волге. На этот раз он проснулся быстрей, опять стал вырываться, но ребята еще крепче вцепились в Пенькова.

— Поздно хватился! — крикнул Толян Морковин.

На берегу его снова раскачали и кинули в воду.

— Чем не спортсмен! — хохотали ребята вслед убегающему Пенькову.— Любого перворазрядника обгонит!..

На третий день утром, когда в радиодинамике раздался Гимн Советского Союза и ребята начали просыпаться, Пеньков уже сидел на койке — умытый, причесанный и одетый.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Преподаватель токарного дела Андрей Петрович привел на свой урок пожилого человека лет пятидесяти восьми, который был в сером костюме, при галстуке, седые волосы его гладко причесаны, лицо тщательно выбрито, на щеках выступал слабый румянец.

— Знакомьтесь,— сказал преподаватель токарного дела.— Это ваш мастер, Портнов Родион Фомич. Пожалуйста, Родион Фомич, скажите несколько слов о себе.

Мастер положил широкие ладони на стол, обвел взглядом учащихся и заговорил:

— Здравствуйте, ребята. Дело в том, что мне не приходилось учиться ни в техническом училище, ни в ремесленном, ни в ФЗУ. Я сразу пришел на завод. Часто вспоминаю, как оказался в цехе. Представляете? И токарничали, и слесарничали, и кузнечили в одном небольшом здании. А на завод меня привел дядя Коля Буренков, которого уже давно нет на белом свете. Очень дорожил этот человек своей специальностью, гордился ею. И меня научил всему, что сам умел. Он — мое техническое училище. Работал я сначала токарем-униперационником, а года через три стал токарем-универсалом... Было время, и ночевать приходилось на заводе, в войну с гитлеровцами. Поспим часа два-три в раздевалке и опять к станку... Постепенно дошел до мастера. И вот попросили учить вас тому, чему сам когда-то учился у дяди Коли Буренкова и у других опытных рабочих. Постараюсь передать вам свои знания. Завтра приходите в мастерскую к восьми часам утра, там и познакомимся ближе. На занятия прошу не опаздывать.

2

Весь первый месяц учебы нажимали на теорию и практических занятий не было.

Практика под руководством мастера Портнова началась с того, что учащимся было поручено выбрать из-под корыт станков стружку, подмести пол, протереть станки чистой ветошью и смазать машинным маслом. Орудовали метлами, вениками, совковыми лопатами, весело переговаривались, шутили.

Родион Фомич ходил между станками и поучал молодежь:

— Каждый токарь должен прежде всего следить за порядком и чистотой на своем рабочем месте, чтобы возле станка не было лишних предметов. Без соблюдения этого простейшего правила хороших специалистов из вас не получится. Перестанете ухаживать за станком, он начнет ржаветь, потеряется точность обработки деталей, пойдет сплошной брак... А за брак никто вам платить не будет — значит, у вас понизится заработок. Разведете бардак на рабочем месте — сами же будете спотыкаться.

После уборки мастерской Родион Фомич построил учащихся в две шеренги и спросил:

— Кто из вас видел когда-нибудь токарные станки до поступления в училище?

Из двадцати двух человек руку подняли пятеро.

— Не на рисунках и не в кино, а в жизни,— уточнил мастер.

После таких слов Фокин и Объедков опустили руки. А Мишка, Лешка и Толян продолжали держать.

— Так... Значит, трое видели,— прохаживался Портнов перед строем.— Уже неплохо. А может, кому-нибудь приходилось работать на них?

Ребята опустили руки по швам.

— Что, нет таких? Ну а... хотя бы прикасались к ним? Никому не приходилось? Просто видели, и все. Ясно. Ну что же, будем знакомиться со станками. Подойдите ближе вот к этому красавцу,— показал Родион Фомич на станок рядом со своим столом.

Ребята и девчата нарушили стройные шеренги, столпились около него, и Портнов стал объяснять:

— Нижняя часть станка называется станиной, на ней закреплены все другие части. Передняя бабка,—

показал он на большую коробку.— В ней расположен основной механизм. К передней бабке привинчен патрон,— погладил Портнов круглую поблескивающую часть станка.— В нем закрепляют заготовку для обработки. На другом конце станины находится задняя бабка, она значительно меньше, в нее вставляется конусообразный центр для поддержки длинных заготовок в патроне. А между бабками расположен суппорт, в нем закрепляются резцы для обработки деталей. Суппорт передвигается вдоль и поперек станины с помощью вот этих ручек. Рядом со станиной со стороны передней бабки стоит двигатель, который приводит в движение весь механизм с помощью ремней, закрытых защитным кожухом. Сам двигатель включается и выключается двумя кнопками, вот они: черная — пуск, красная — стоп.

— Так все просто,— послышался одинокий голос.

— Кому это просто? — поинтересовался мастер.

— Объедкову! — зашумели ученики.

— Приятно, когда в группе такая способная молодежь,— улыбнулся Родион Фомич.— Хочу задать вопрос. Кто скажет — из каких основных частей состоит токарный станок?

Поднялось много рук.

— Объедков, отвечайте,— предложил Портнов.

— Токарный станок состоит из двух бабушек,— бойко начал тот.— А между ними пупорт...

Ученики громко засмеялись.

— Шутку Объедкова принимаю только потому, что у нас первое практическое занятие,— сказал мастер.

— Но я не шутил, мне просто показалось, что слово «бабушка» культурнее слова «бабка».

— Ваш благородный порыв я понял, но вещи надо называть своими именами,— возразил Родион Фомич.— Видите, не так уж все и просто. На следующем занятии, товарищ Объедков, не торопитесь, отвечайте на вопросы правильно. А сейчас я покажу, как надо работать на токарном станке. Будьте внимательны.— Портнов подошел к металлическому ящику, на котором изображены череп и кости, передвинул вверх рычаг и сказал:— Этим рубильником я подключил электросеть ко всем станкам.— Он взял с тумбочки стальную заготовку, закрепил ее ключом в патроне станка, повернулся к своим ученикам.— Всем видно? Очень хорошо. Те-

перь закрепляю в суппорте резец — другим ключом. Вот так, по центру. Так... И так. Закрепил. Кто из вас самый смелый? Кто включит станок?

Несколько секунд стояла тишина, потом ученики зашумели — каждый хотел, чтобы Родион Фомич назвал именно его.

— Объедков, подойдите, — сказал мастер. — Вам предоставляется почетная возможность первым изо всей группы включить токарный станок. Пожалуйста, приступайте.

Объедков неуверенно подошел к Родиону Фомичу.

— Смелее, смелее, — подбадривал его мастер. — Станок не кусается.

Объедков медленно поднес указательный палец к черной кнопке, прикоснулся к ней, недоуменно посмотрел на Портнова и пожал плечами:

— Не включается.

— Да, сразу видно, что вы никогда не нажимали на такие кнопки, — сказал Родион Фомич. — Надавите как следует.

Объедков надавил, раздался щелчок, и Объедков вздрогнул под смех окружающих его товарищей. Вслед за щелчком тихо зашуршал двигатель станка.

— Теперь опять смотрите на меня, — продолжал Портнов. — Даю патрону тысячу двести оборотов в минуту. — Он передвинул ручки на передней бабке, дернул вверх рычаг фрикциона, и патрон с воем начал вращаться, нагоняя слабый ветерок. — Подвожу резец — осторожно, плавно и... начинаю снимать стружку. Будьте внимательны, очень скоро каждый из вас начнет делать то же самое.

Ребята и девчата по очереди подходили к станку и под наблюдением Родиона Фомича пробовали снимать стружку со стальной заготовки.

Включая станок, Объедков опять вздрогнул. Мастер улыбнулся и удивленно качнул головой. При обработке заготовки Объедков так сильно отдалял голову от быстро вращающегося патрона, что вызывал смех у наблюдающих за ним товарищей. Сам стоял у станка, а голову задирал назад, будто ждал удара и готовился вовремя увернуться от него.

— Да не отстраняйтесь вы! — делал замечание Родион Фомич. — Патрон привинчен крепко, не оторвется! Смотрите внимательно на заготовку, вы же в защитных очках!

Объедков приблизил голову к патрону, но нет-нет да и забудется, отстранит ее.

Лешка снимал стружку со стиснутыми зубами, с плотно сжатыми губами, было заметно, как от сильного напряжения и волнения дрожали его пальцы.

— Спокойнее, спокойнее, — советовал мастер. — Не напрягайтесь, держите себя свободнее.

Толян Морковин тоже волновался. Во время учебы в сельской школе он всего один раз был на экскурсии в МТС. Машинно-тракторная станция находилась от школы далеко, возили их на грузовой машине, показывали мастерские, в которых стояли токарные станки — только и всего. Как же теперь не волноваться, когда предстоит снять первую в своей жизни стружку?

Толян старался скрыть волнение, отгонял от себя мысль о том, что у него может что-нибудь не получиться.

Резец врезался в металл, и легкий гул станка сменился натужным стрекотанием. Стружка пружиной вилась с резца, отрывалась и отскакивала в противоположную от Морковина сторону. Поверхность заготовки становилась светлой. Толян выключил механическую подачу, хотел быстро отвести резец от заготовки, но ошибся, повернул ручку не в ту сторону, и резец врезался глубже, не выдержал такой большой нагрузки, сломался. И это в самом конце, когда уже почти все сделал! Вот досада! Стыдно глаза поднять...

— Ничего, бывает и хуже, — спокойно сказал мастер и сменил резец.

Пеньков опоздал выключить механическую подачу, и резец, проточив поверхность заготовки, начал врезаться в кулачки патрона. Спасибо, Родион Фомич стоял близко. Видит — Пеньков мечется, не знает за что схватиться, — сам выключил.

А девушки вообще путались в ручках, с помощью мастера подводили резец к детали.

У каждого что-нибудь да не получалось.

Староста группы храбрился. Перед тем как подойти к станку, он с улыбкой расправил плечи, одернул пиджак и, поправив на голове кепку, потер ладони.

— Эх, давно мечтаю... Давно добираюсь!

Мишка так уверенно обращался со станком, что у всех появилось подозрение: ему приходилось токарничать, но он просто не признаётся в этом.

— Ничего подобного! — выслушав предположения товарищей, громко сказал Мишка. — Просто я в мыслях много тренировался. Сто раз представлял себе, как подойду к станку, как закреплю в кулачках патрона заготовку, как подведу к ней резец... И вот результат!

— Мысленная тренировка много значит,— согласился с ним Родион Фомич.— Советую всем делать так же. Ну что же, товарищи, на ошибках учатся, не ошибается тот, кто ничего не делает, хорошо скоро не бывает.— Он улыбнулся и добавил: — Скажу вам по секрету: для начала я ожидал худшего.

На следующее утро после распределения токарных станков между учащимися Родион Фомич построил своих питомцев в две шеренги и дал строгий наказ:

— Каждый отвечает за свой станок. После окончания практических занятий покидать рабочее место можно лишь в одном случае — когда вокруг идеальный порядок и чистота. При уходе из мастерской во всех других случаях буду снижать оценку. Сейчас каждый из вас получит наряд с указанной деталью и чертеж на нее. У каждого есть тумбочка с необходимыми инструментами. Так что работайте самостоятельно. Если у кого возникнет затруднение — пожалуйста, я к вашим услугам. Пеньков Николай, включите электросеть.

Пеньков подошел к железному ящику, поднял рубильник, и над каждым станком засветилась лампочка.

Ученики взяли чертежи и наряды, разошлись на свои рабочие места. Минуты через три зашуршали моторы, застрекотали шестеренками станки, получая нагрузку. Каждый ученик стоял на деревянной подставке, склоняясь над быстро вращающимся патроном, внимательно наблюдая за ходом резца, готовясь вовремя отвести его.

Родион Фомич стал просматривать чертежи за своим столом, потом положил поверх них раскрытый журнал со списком всей группы, снял очки и, оставив их вместе с авторучкой на журнале, встал из-за стола, заложил... медленно пошел между двумя рядами станков,

жив руки за спину, издалека присматриваясь к ученикам: не нужна ли кому помощь. Но о помощи никто не просил, а самому вмешиваться в работу практикантов Портнов не считал нужным. И над душой стоять тоже не следует, это очень стесняет учеников. Пусть работают самостоятельно, как умеют.

В конце практических занятий Родион Фомич надел очки, посмотрел на свои ручные часы, сверил их с большими электрическими часами, которые находились над входом в мастерскую, и дал команду:

— Заканчивайте работу! Сдавайте на проверку детали! Убирайте стружку, протирайте и смазывайте станки!

После проверки деталей Родион Фомич осмотрел каждый станок, опять построил учащихся в две шеренги и стал характеризовать их работу:

— Я рад, что вы так хорошо усвоили первый принцип начинающего токаря «Чистота и порядок на рабочем месте». Скажу вам по секрету: в этом отношении я ожидал худшего... Теперь о вашей самостоятельной токарной работе. Значительно осмелел Объедков, перестал бояться станка, уже не вздрагивает, когда нажимает на пуск, и не задирает голову назад, движения неторопливые, уверенные — выточил три болта и нарезал на них резьбу. Молодец! Ставлю пятерку! Фокин наловчился делать гайки к этим болтам — тоже ставлю пятерку. Туков Михаил научился сверлить гильзы и отрезать их. Отлично! Морковин Анатолий...— Мастер сделал паузу.— Морковин даже ни одного резца не сломал, ручки крутил как положено, пошутил он.— Выточил три болта и нарезал на них резьбу. Ставлю пятерку. А вот Туков Алексей не совсем точно сделал детали — где не доточил, где переточил... Ставлю троечку с натяжкой. А у Пенькова совсем плохо: никак не научится правильно затачивать резцы и устанавливать их по центру... Поэтому они и ломаются у него. Это сколько же тебе, Пеньков Николай, нужно резцов на одну рабочую смену? А? Переломаешь все наши запасы, а от тебя нет пока ни одной годной детали... Придется ставить двойку. Останешься сегодня после занятий, буду учить тебя затачивать резцы и устанавливать их по центру. У девушек все хорошо, кроме Зубкиной Марии. Мечтательная особа! Облокотится на станок, подопрет голову ладонью и смотрит вдаль, будто алые паруса

ждет... А патрон вращается вхолостую... Буду наказывать плохой оценкой. Еще раз напоминаю всем девушкам: без головного убора к станку не подходить, волосы убирать под косынку! Теперь насчет защитных очков. Морковин Анатолий, слышишь? Это прежде всего относится к тебе, допускаешь вольности. Последний раз предупреждаю: работать только в защитных очках!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Учащимся, которые были на государственном обеспечении, ежемесячно давали стипендию в размере пяти рублей. Деньги, конечно, невелики, но больше и не надо. Одеты, обуты за счет государства, живут в общежитии, кормят три раза в день да еще пять рублей в руки. Очень даже неплохо! Окончат училище, научатся хорошо работать — тогда и будут больше зарабатывать. А сейчас пусть привыкают ценить копейку. И будущие токари-универсалы привыкали ее ценить. Учащимся, которые не были на государственном обеспечении, полагалась стипендия больше, но после вычета из нее за питание в столовой училища им тоже оставалось на руки ровно пять рублей. Лишних денег ни у кого не было, приходилось экономить. Тратили свою стипендию на билеты в кино, на мороженое.

По воскресеньям учащиеся технического училища стремились побывать в Саратове. Через Волгу строили мост, который должен был соединить город Энгельс с Саратовом, но пока ребята добирались до большого города на теплоходе.

Раньше Толян Морковин жил в такой местности, где настоящих теплоходов не было и в помине, он видел их только в кино да на рисунках, поэтому ему очень интересно было плыть через Волгу на теплоходе. Толян никогда не уходил в салон, всегда стоял у перил и смотрел на уходящие вдаль волны, на приближающийся берег и многоэтажные дома.

Наконец теплоход наталкивался бортом на старые автошины, прикрепленные к пристани над водой, терся о них, со скрипом прижимая к прочной деревянной сте-

не. С борта кидали канат и наматывали его на мощную стальную катушку. Теплоход, словно довольный кот, ласкался, мурлыкал, пока постепенно не затихал.

Ребята нетерпеливо сходили по узкому трапу, толпой поднимались по асфальту на широкую улицу Саратова и тут же у автомата с газированной водой начинали тратить свою стипендию.

2

Волга покрылась льдом, и навигационный сезон закрылся. Добираться по воскресеньям до Саратова поездом для ребят не было смысла: он находился в пути не меньше трех часов, за это время можно три раза перейти пешком замерзшую, заваленную снегом реку или шесть-семь раз переехать ее на лошади, запряженной в сани. Но пользоваться гужевым транспортом для учащихся технического училища считалось большой роскошью, потому что надо платить кучеру пятьдесят копеек в один конец. Поэтому предпочитали добираться до большого города самым надежным и выгодным способом — на своих двоих. И в Саратов придешь быстрей поезда, и полтинник целехонький. Чем отдавать его за проезд на санях, лучше два раза сходить в кино.

Одно удовольствие пройтись пешком по Волге.

Кроме Николая Пенькова и Фокина, все в форме учащихся технического училища: черная шинель с блестящими пуговицами, черные брюки, черные ботинки с калошами, шапка с эмблемой «молоточки». Солиднее всех одет Пеньков, он в зимнем коричневом пальто, на голове пушистая кроличья шапка, на ногах теплые ботинки. По узкой снежной тропинке Пеньков шел последним. Разговаривали громко, почти кричали.

— Слушай, откуда у тебя такая фамилия? — спросил староста группы Объедкова.

— А я почем знаю? — насупился тот.

— Давно бы сменил ее! — посоветовал Толяй Морковин. — Взял бы какую-нибудь красивую! Серебряков, например!

— Чтобы сменить фамилию, нужны деньги! — заметил Пеньков. — А где он их сейчас возьмет?

— Проживу и с такой фамилией, — ворчал Объедков. — Она мне не мешает.

— Сейчас не мешает, потом помешает! Замуж никто не пойдет! — пошутил Толян.

— Правильно! — поддержал его Лешка.— Какая же девчонка захочет быть Объедковой?

— А он сам замуж выйдет! — засмеялся Фокин.— Возьмет фамилию своей супруги, и порядок!

— А если у его невесты фамилия окажется еще хуже? — спросил Мишка.

— Тогда у них будет двойная фамилия! — ответил ему Лешка.— Чтобы никому из них обидно не было!

— Это не выход! — возразил Толян Морковин.— В нашей деревне у одного парня тоже была не совсем завидная фамилия — Поросёнков! Познакомился он в соседней деревне с приезжей девушкой, а у нее фамилия Бугаева! Там девчонка-то как Дюймовочка, а фамилия мощная, будто в насмешку. Собрались жениться. Она хотя и Бугаева, но Поросёнковой быть не желает. Говорит своему жениху: «Бери мою фамилию». Парнишка тоже не великан и из Поросёнкова в Бугаева превращаться не хочет! Хотели двойную фамилию себе сделать — опять плохо: Поросёнков-Бугаев, Бугаева-Поросёнкова! Как ни поверни — неважно получается! Насмешки сыплются! Заспорили жених и невеста между собой, дошли до ссоры, чуть не разошлись! Пришлось жениху перед регистрацией менять свою плохую фамилию на хорошую! Так что прежде чем Объедкову провожать девушку с танцев, ему в первую очередь надо спросить ее фамилию!

— Он уже спрашивал у одной! — засмеялся Фокин.— А потом она узнала про его и тю-тю! Как в воду канула!

— Чего смеяться-то? У вас больно хорошие фамилии,— продолжал ворчать Объедков.— Особенно у Пенькова...

— Значит, вам с Пеньковым под псевдонимом надо на танцы ходить! — пошутил Толян.

3

На танцах в Доме культуры Объедков и Пеньков ходили рядом. Объедков высокий, чуть ли не двухметровый. Пухленький Пеньков выглядел возле него пацаном.

— Вот и Тарапунька со Штепселем,— пошутил над ними Толян.— Уж сегодня-то они обязательно познакомятся с хорошенькими девушками. Только пусть про псевдонимы не забывают...

— Мы не для знакомства сюда пришли,— нахмурился Объедков.— Просто развлекаемся, и все.

— Значит, вам все равно с кем танцевать? — спросил Морковин.

— Конечно! — ответил Пеньков.

— Сейчас проверим,— не отставал от них Толян.— Если вам действительно все равно, пригласите вон тех,— кивнул он в сторону двух девушек, стоявших у тумбы.— Только Объедков пусть идет с маленькой, а Пеньков с высокой. Для развлечения!

— По росту не подходим,— сказал Объедков.— Маленькая, может, и пойдет со мной, а вот высокая с Пеньковым — вряд ли.

— Это еще как сказать,— заворчал Пеньков.— Может, наоборот, с тобой не пойдет...

— Струсили? — подзадорил их Толян.— Отговорку ищете?

— Ошибаешься,— возразил Пеньков.— Сейчас докажем тебе. Я на носках подходить к девушкам буду, на цыпочках. А ты, Объедков, чуть приседай. Может, не успеют понять, в чем дело, и пойдут с нами.

Заиграл духовой оркестр, ребята стали приглашать девушек. Пеньков пошел на носках, как балерина, чтобы казаться повыше ростом, а Объедков шагал на полусогнутых, чтобы казаться ниже. После их приглашения девушки замешкались, переглянулись. Высокая кивнула своей подруге и едва заметно моргнула одним глазом, взяла Пенькова за руку и повела к танцующим. Она положила ладони ему на плечи, с улыбкой смотрела на него сверху вниз. Пеньков взял ее обеими руками за талию, он устал держаться на носках, опустился на ступни и стал еще ниже своей партнерши. Рядом с ними танцевал Объедков с маленькой девушкой, голова которой была ниже его груди.

Толян и Лешка от души хохотали над ними.

— Вот это действительно развлечение!

— А лица-то какие серьезные! Ай да молодцы!

Танец кончился. Объедков и Пеньков привели своих партнерш на то же место, где приглашали их, подошли к своим ребятам.

— Убедили,— продолжал смеяться Толян.— Беру свои слова обратно.

Объявили дамский танец. К удивлению ребят, недавние партнерши Объедкова и Пенькова направились к ним, маленькая протянула руку Объедкову, высокая — Пенькову. Теперь переглянулись ребята. Находчивые девушки не остались в долгу — на шутку ответили шуткой.

Но вдруг среди танцующих произошли изменения. Высокая девушка воспользовалась правилом танца с хлопушками: она оставила Пенькова, трижды хлопнула в ладоши, требуя себе в партнеры Объедкова. Тот пошел танцевать с высокой, а Пеньков стал кружиться с маленькой девушкой. Правда, маленькой она выглядела только рядом с двухметровым Объедковым.

Следующий танец они танцевали в таком же исправленном составе. И еще танцевали, и еще... Потом вдруг все четверо направились к раздевалке, оделись и исчезли.

— Вот и верь им после этого,— сказал Морковин Лешке, выбирая взглядом девушку для приглашения на танец.— Не растерялись, такие сякие. А мы с тобой ходим, бродим и все без толку. Остается сделать вид, что пришли сюда только для развлечения.

4

С перекинутым через плечо полотенцем Толян вошел в умывальную комнату. Кроме Лешки Тукова, там никого не было. Пристроившись у подоконника, Лешка брился, глядя в маленькое круглое зеркальце.

Оглянувшись на Морковина, он сразу же спросил:

— Ты ничего не слышал про Объедкова и Пенькова?

— Нет... пока,— насторожился Толян.— А что случилось?

— Несчастье у них,— вздохнул Лешка и стал бриться.— Проболтались они своим красивым девушкам про свои плохие фамилии и теперь... нигде не найдут тех девушек.

— Может, не из-за фамилий исчезли, а по другой причине?

— Из-за фамилий. У Объедкова уже вторая красавица пропадает.

— Зачем же они сразу все им рассказали?

Лешка пожал плечами, продолжая смотреть в маленькое зеркальце.

— Я тоже спрашивал их об этом.

— И что же они ответили?

— Сказали, что все равно когда-нибудь узнали бы...

Морковин с интересом смотрел на вихрастого Лешку, его щуплая фигура облачена в широкие шаровары и майку. Толяну казалось, что Лешка напоминает кого-то из знакомых, но кого именно — никак не мог понять.

— Слушай, ты как запорожец, — наконец догадался Морковин.— Только голова небритая.

— При чем тут запорожец? Я ему про Объедкова и Пенькова, а он мне про Гоголя.

— Ладно, оставим запорожских казаков в покое. Продолжай свои новости.

— Так вот, Пеньков молчит, сопит... А Объедков до того разозлился на свою плохую фамилию, что решил сменить ее, начал копить деньги на это дело — курить бросил, в кино не ходит.

— Курить бросил — это хорошо, — похвалил Толян.— А вот что в кино перестал ходить — плохо. Надо повлиять на него в этом отношении.

— Повлияем. Я уже билеты взял — на него, на тебя, на Мишку и на Пенькова.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Фокин то и дело подшучивал над Объедковым насчет его накопления денег для смены фамилии, каждый день спрашивал: сколько набрал, сколько осталось набрать? Объедков хмурился, отмалчивался или отвечал одной и той же фразой:

— Не твое дело.

Сегодня Фокин погремел у себя в кармане мелочью и, достав два медяка, сказал:

— Слышь, Объедков? У меня трюльник с двульником завалялись — возьми, пригодятся.

— Себе оставь! — разозлился Объедков.— Репейное масло купи для своих волос — может, погустеют.

У белобрысого Фокина волосенки реденькие, всегда

зачесаны назад, будто прилизаны. Посмотришь на него издалека — вроде наголо стриженный. Вот Объедков и уколол его в отместку за каждодневные насмешки.

— Эх ты, Огрызкин,— не остался в долгу Фокин.— Фамилию надумал менять. Хорошей фамилией не прикроешься, если в голове мякина.

— А у тебя опилки.

— А у тебя...

— Кончайте базар! — свесил ноги с койки староста группы и шутливо припугнул: — Не то обоих в милицию отведем.

— Нашли из-за чего ссориться,— поддержал Мишку Толян Морковин.— Как глупые, честное слово. Ты, Объедков, поменьше ерепенься, шутки понимать надо. А ты, Фокин, прекратил бы свои подковырки, не мешает знать меру.

Во время этого неприятного разговора Пеньков разыскивал что-то в своей тумбочке, изредка оглядываясь. Когда Объедков и Фокин разошлись в разные стороны и каждый из них лег на свою койку с книгой в руках, Пеньков перестал копаться, проворчал:

— Скандалист, понимаешь. Когда несли меня в Волгу кидать, вцеплялся, как клещ, думал, кожу с ног сдерет...

Так ничего и не взяв из тумбочки, Пеньков лег на свою койку, стал читать учебник, изредка посматривая из-за него на Фокина.

2

Утром ребята, как обычно, собирались на марш-бросок. Все оделись, один Объедков метался возле шифоньера полуодетый — в ботинках, брюках и майке. Чуть ли не десятый раз он сунулся в шифоньер, потом залез туда на коленях и стал ворошить одежду.

— Ты чего потерял? — толкнул его сзади Толян.

— Деньги пропали, - послышался голос из шкафа.— Пятьдесят рублей.

Ребята притихли, глядя на вылезавшего Объедкова. Все знали, что недавно он получил денежный перевод от родных. Последнее время уже не было секретом для всего училища, зачем ему нужно много денег... И вот, пожалуйста: пропали пятьдесят рублей.

— Нету,— поднявшись с колен, развел он руками и остался в таком положении на долгое время.— В куртку положил, в карманчик. Вечером были, а теперь нету.

— Ищи лучше,— сердито сказал Фокин.— Сунул небось под подушку или под матрац... Спрятал и забыл!

— Ничего я не забыл,— начал злиться Объедков.— Я не как ты, ничего под подушку не прячу! И под матрац тоже!

— Давай вместе поищем,— предложил Толян.

К ним присоединились Фокин, Пеньков и Лешка. Вытащили из шифоньера всю одежду Объедкова, перещупали ее, перетрясли — денег не оказалось. В тумбочке тоже не было.

— Ну, Объедков, если ты сам засунул куда-нибудь свои деньги, тогда гляди,— пригрозил Фокин.

— Никуда я их не совал! — настаивал на своем пострадавший.

— Ребята, дело очень серьезное,— сказал Толян.— Придется вывертывать карманы. Неприятно все это, но... надо внести ясность.

— Правильно,— согласился староста группы.— Объедков, какие деньги у тебя пропали?

— Две четвертные,— сердито ответил тот.

Морковин предложил:

— Давайте сделаем так. Фокин и Пеньков пусть станут у двери — никого не выпускать и не впускать. Пусть каждый подходит к столу для осмотра. Переворачиваем все постели, ищем в тумбочках...

Обычно у ребят больше пяти рублей не бывало, а если кому присылали родные, никто не скрывал это, все знали.

Самым богатым оказался Толян и, естественно, Объедков — его тоже заставили вывернуть карманы, для надежности. У Толяна насчитали девяносто шесть копеек, а у Объедкова семь рублей. Это все, что осталось у него от сбережений для смены фамилии. У кого оказалось двадцать-тридцать копеек, а у кого и совсем не было денег.

Морковин недоумевал: все перевернули вверх дном, осмотрели все щелочки, а пропажу не нашли. Не пришли же воры ночью из другой комнаты... Это исключено.

Договорились не посвящать директора в эту неприятную историю, решили сами докопаться до истины, но как это сделать — никто не знал.

Впервые за время учебы в техническом училище ребята остались без завтрака. Свое опоздание на занятия они объяснили тем, что забарахлил радиодинамик и все проспали.

3

В здании общежития только умывальная комната, а туалет на улице. Кому надо было выйти ночью, одевались и обувались в темноте, подходили к шифоньеру, брали пальто или шинель и, накинув на плечи, выходили. Вот кто-то и достал деньги из карманчика Объедковой куртки, когда одевался.

— Ребята, кто выходил ночью? — спросил Толян.

Все молчали. Получалось, что в прошлую ночь никто не вставал. Но такого быть не могло, просто каждый опасался навлечь на себя подозрение.

Толян действительно не вставал. Он так крепко спал, что, кажется, даже не ворочался во сне, в каком положении начал дремать, в таком и проснулся утром — вниз лицом.

Многие утверждали, что слышали шаги, скрип койки, как кто-то закуривал. Но никто не придал этому значения ночью, все воспринималось сквозь сон. Действительно, что же тут особенного? На столе всегда лежали сигареты «Памир» — закуривай, кому надо.

— Тише, ребята! — поднял руку Объедков.— Я тоже припоминаю! Точно, ночью кто-то закуривал! Я слышал, как гремели спички... Правда, видеть ничего не видел, не открывал глаза. А еще я слышал... постанывал кто-то, покряхтывал...

— Как покряхтывал? — вскочил со своей койки Толян, вспомнив о странном курильщике в комнате отдыха железнодорожной станции.— Как постанывал?

— Обыкновенно,— развел Объедков руками.— Жалобно, будто больной.

«Рассказать о вокзальном карманнике или не надо? — подумал Морковин.— Нет, пока не скажу. А вдруг он здесь, среди нас».

4

Неприятная сложилась обстановка, каждый из ребят подозревал кого-нибудь в краже денег. А для Толя-

та становилось ясно, что Объедкова и гражданина в сером плаще обокрал один человек, который учится вместе с Толяном. Но кто же он?

Морковин не раз представлял себе комнату отдыха. Было темно. Вспышка спички. Странный курильщик стоял к Толяну спиной, очень сгорбленный, в трусах и майке, виден затылок... И все. Лица нет. Спичка погасла, снова темно. Странный курильщик пошел к своей койке, стал покряхтывать, постанывать. Какой же он? Высокий? Маленький? Худой? Полный?.. Растяпа! Не мог спросонья запомнить подозрительного типа, не заинтересовался им как следует! Скрюченный, трусы, майка, спина, затылок... Какое там лицо! Даже нет представления о его росте! А вот длинные трусы запомнились — чуть ли не до колен! Но по такой примете вора не найти.

Морковин перебирал в мыслях всех ребят своей группы, ставил их в разные позы рядом со странным курильщиком, одевал в форму технического училища самого курильщика, как бы поворачивал к себе, стараясь представить лицо карманника. Но все эти сравнения никаких открытий ему не давали, странный курильщик оставался в памяти Толяна близким и вроде бы никого из ребят не напоминал.

А кого можно подозревать в краже?

Взять, например, Фокина. Сутуловатый, походка небрежная, весь как на пружинах. Насмешливый, говорит всегда с ухмылочкой. Да и поссорился он с Объедковым перед кражей... К тому же курит.

Теперь Лешка Туков. Маленький, юркий, вихрастый, любопытный, везде все слышит, все знает. Проныра! Глаза у него беспокойные, долго не смотрит на человека, быстро отводит взгляд. И курит. Пожалуй, к нему тоже не мешает присмотреться.

А Пеньков? Ворчун, хвастун, наговорит семь верст до небес и все лесом. Одна история с утренней зарядкой что стоит. Хотя и научили его просыпаться вовремя, но все-таки соня есть соня. Ночью он вряд ли куда выходит.

А что, если Пеньков нарочно притворялся соней, чтобы на него потом не подумали?.. Но он же такой пухленький... А странный курильщик вроде бы худощавый. Ну и что же? Могло просто показаться. Так что на всякий случай надо иметь в виду и Пенькова.

Курящих в группе очень мало, а эти трое как раз покуривают. Толян ходил за ними чуть ли не по пятам и все присматривался.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

На очередном занятии по практике Толян вытачивал кольца. Деталь несложная, маленькая. Толян не знал, для какой машины он делал кольца, главное не это. Главное, его детали будут в какой-то машине. Вон сколько готовых! Целая горка! И все сделал он! Да еще сделает!

Перед глазами Толяна возникает целый ряд разных машин — все останавливаются. Шоферы, трактористы, крановщики, танкисты выбегают на дорогу, кричат, размахивают руками: испортились кольца! Все стало из-за этой маленькой детальки! И вот из мастерской технического училища везут на грузовике кольца, которые сделал Толян. Шоферы, трактористы, крановщики и танкисты прыгают от радости как дети, благодарят, хвалят токаря-универсала.. Детали расхватывают, ставят, куда надо, и машины едут. Все довольны, все счастливы.

И Толян тоже. Под впечатлением своего воображения он улыбается, склонившись над вращающейся заготовкой.

Сегодня Родион Фомич обрадовал своих учеников тем, что в начале марта их должны отправить на один из заводов города Саратова, где они будут проходить трехмесячную практику. Там же их всех оставят и работать.

Но теперь только середина декабря и учащимся предстоит еще много дел здесь, в училище. Они должны сдать экзамены по теории и начать писать дипломную работу.

Работа действительно называлась дипломной, хотя по окончании училища вручают свидетельство. Ребята и девчата ничего не имеют против такого солидного названия и даже немного гордятся, что, как в институтах, пишут дипломную работу.

2

Разве мог Толян Морковин предположить, что когда-нибудь сможет выточить на токарном станке, например, стальной шар? Конечно, нет! Ведь он даже не имел ни малейшего представления о его изготовлении. А теперь делает сам. Сомневался, конечно: сможет ли? Получится ли? Это ведь не болты, не гайки и не кольца... Совсем круглая деталь, безо всяких уступов, без отверстий и без резьбы. Сразу и не сообразишь, с чего начать. Спасибо Родиону Фомичу, показал, как это делается. Главное, очень осторожно работать ручками — так, чтобы резец плавно проходил по заготовке. И точно определять, где срезать больше, где меньше. Врезаться в металл и закруглять, протачивать и закруглять. А раве мог Толян предположить, как пригодится ему умение вытачивать стальные шары?

Все началось с того, что комсорг группы Мария Зубкина увидела: у Пенькова нет на рубашке двух пуговиц, а вместо них булавка. Посовещалась Мария Зубкина с девушками своей группы, и решили они сделать дружеский визит в мужское общежитие.

Явились в комнату вечером, вместе с комендантом тетей Нюсей.

— Пришивать, стирать, гладить! Пришивать, стирать, гладить!— шутливо зашумела с порога тетя Нюся.— Очень недорого, всего за «спасибо» с каждого!

Ребята замешкались, ничего не хотели давать из своей одежды.

— Мы что, сами не умеем стирать и гладить? Вон какие детали вытачиваем, а уж пришить пуговицы для нас раз плюнуть,— за всех проворчал Пеньков.

Девушки вместе с тетей Нюсей стали доказывать, что у них просто истосковались руки по женской работе и они от чистого сердца желают помочь ребятам. После таких убедительных доводов ребята перестали возражать и минут за пять два серых мешка были наполнены одеждой. Девушкам потребовались помощники, чтобы донести вещи до их квартиры. В носильщики напрашивались все семнадцать человек, но гостьи взяли с собой только Пенькова и Объедкова.

После возвращения постиранной, зашитой и отглаженной одежды ребята долго думали: чем бы отблагодарить девушек за их внимание и заботу. Вихрастый

Лешка предложил организовать вместе с ними культпоход в кинотеатр на кинофильм «Седьмое путешествие Синдбада», Фокин возразил ему: лучше повести девушек не на «Седьмое путешествие Синдбада», а на «Возраст любви». Объедков и Мишка предложили сброситься со стипендии по рублю и купить девушкам духи. Пеньков ничего не предлагал, молча осматривал свою чистую рубашку с крепко пришитыми пуговицами.

— И духи хорошо, и культпоход за наш счет неплохо,— вмешался Толян.— Но по-моему, лучше самим создать для них подарок.

— Как это — «создать»?— недоумевали ребята.

— Самим сделать,— уточнил Толян.— Как вам известно, девчонки любят завивать кудри. Мороженым их не корми, а дай колечки завить, особенно на висках. Накручивать волосы на бигуди — много канители, всю ночь спят на них, не очень удобно. Проще всего сделать кудряшки шарами. Надеюсь, все видели такое приспособление?

— Конечно!— воскликнул Мишка и погладил свою лысину.— Шар разрезан на две половинки, к каждой половинке приварено по металлическому стержню, которые соединены в середине заклепкой, как ножницы. Девчонки навивают волосы на карандаш, осторожно вынимают его, закрыв виток бумажкой, и эту бумажку прижимают нагретыми шарами. Во кудри получаются!— показал староста большой палец и опять погладил лысину.— Шары — дефицит.

— Поэтому я и завел про них разговор,— улыбнулся Толян.— Предлагаю самим изготовить такой дефицитный инструмент и подарить нашим девушкам.

— Дельное предложение,— одобрили ребята.

— А стержни кто приварит?— спросил Фокин.

— Электросварщика попросим,— ответил Толян.

— А заклепку кто поставит?— не унимался Фокин.

— Слесаря уговорим,— не сдавался Толян.

— Мастер не разрешит,— наконец подал голос Пеньков.— По сменному заданию работаем.

— Но мы ученики,— возразил Морковин.— Занятия с шарами тоже пойдут на пользу. А делать их будем из негодных стальных обрезков.

— Родион Фомич, узнав, в чем дело, подумал немного и спросил:

— Кто первый подал такую мысль?

— Толян Морковин!— дружно ответили ребята.
— Вот и пусть Толян Морковин вытачивает шар. Остальные будут работать по нарядам сменного задания. А насчет сварки и склепки я сам поговорю с кем надо.

Сейчас Толяну осталось разрезать поблескивающий шар пополам и отрезать от заготовки вторую половину. Так что подарок для девушек обеспечен.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Из всех девушек, которые учились в группе токарей-универсалов, самой красивой была Люся Булкина. Черные волосы длинные, брови узкие, глаза огромные, губы пухловатые, похожие на восьмерку, щеки розовые, с ямочками. «Как наведенная»,— говорили о ней ребята. На самом же деле Люся не красила ни губы, ни ресницы, ни брови. И не румянилась. Как говорится, у нее своего было хоть отбавляй. Высокая, стройная, смотрит с улыбочкой, задорно и даже игриво. Ее не смущали внимательные взгляды ребят. Перехватит взгляд огромными глазищами и смотрит — до тех пор, пока парень не отвернется.

Многие не понимали, почему она пошла в техническое училище, и удивлялись этому: с такой притягательной внешностью Люся могла поступить в театральное. Но Булкина не считала нужным объяснять.

На занятиях она редко сидела с девушкой, часто подсаживалась к парню. Делала это очень просто: подходила к столу и, устремив на молодого человека широко открытые глаза, спрашивала:

— Ты сегодня один?

Тот согласно кивал даже в том случае, если его напарник просто задержался где-то. Когда задержавшийся войдет в аудиторию, а на его месте красуется Люся Булкина, не станет же он прогонять девушку. И ему приходилось искать другое место.

Любому приятно было находиться с такой красавицей, а если она еще и шепнет что-нибудь парню на ухо, то он чувствовал себя на седьмом небе. Булкина, разу-

местея, понимала это и гордилась своим очарованием. С одним парнем Люся долго не засиживалась, дня через два меняла место.

Как-то Булкина сидела за последним столом рядом с Фокиным и нетерпеливо посматривала на свои ручные часы. Скорей бы кончился урок. Надоел ей этот Фокин. Она думала, что он будет сидеть рядом с ней ни жив ни мертв, как другие, а он совсем не может вести себя прилично: то возьмет за руку, то прикоснется плечом, то коленом. Какой невоспитанный.

Наверное, считает, что раз Люся подсела к нему, то с ней можно вести себя по-всякому. Какой нахальный. Жаль, что она не раскусила его раньше — близко бы не остановилась. Встать и уйти? Но куда? Все места заняты. Просить кого-нибудь поменяться местами? Но ведь идет урок, неудобно заводить шум на глазах у преподавателя, Андрей Петрович такой строгий. И так уже на них оглядываются.

А она, Люся, тоже хороша, взяла моду подсаживаться к ребятам. Подумают — легкомысленная. Один уже подумал... Какой все-таки нахальный.

Перед тем как начать объяснение новой темы по токарному делу, Андрей Петрович стал чертить мелом на доске многоступенчатую деталь.

Булкина подняла руку.

— Андрей Петрович, разрешите выйти.

Преподаватель повернулся лицом к ученикам, окинул взглядом Булкину и Фокина, потом всю аудиторию.

— Пожалуйста,— разрешил он и после короткой паузы добавил:— Когда вернетесь, займите, пожалуйста, место Объедкова, который перейдет за последний стол.

Объедков сидел за первым столом, рядом с Марией Зубкиной, он задумался и не понял преподавателя, но фамилию свою слышал.

Решив, что его вызывают отвечать на какой-то вопрос, Объедков вышел к доске с надеждой, что вопрос повторят.

— Прошу занять место рядом с Фокиным,— сердито сказал ему Андрей Петрович под смех учеников.

Многим посчастливилось по нескольку раз сидеть за одним учебным столом с Булкиной. Не повезло только Мишке Тукову: он не сидел с ней ни разу. Напрасно Мишка винил в этом свою лысину, Люся больше не подсаживалась ни к кому.

На новогоднем вечере в техническом училище танцевали под радиолу возле сверкающей разноцветными огнями елки. Здесь были не только учащиеся технического училища, вход свободный. На этом празднике не устраивали конкурс красоты, но в том, что Люся Булкина — царица новогоднего бала, никто из ребят не сомневался. Партнеров у нее было больше чем достаточно, не успеет потанцевать с одним — второй приглашает.

Вряд ли какие молодежные вечера обходятся без дамских танцев. Не обошлось без них и на новогоднем празднике в техническом училище. Рядом с Толяном Морковиным стояли Фокин, Объедков, Лешка, Мишка и Пеньков. Всех интересовало: кого пригласит на танец Люся Булкина? Каждый не спускал с нее любопытного взгляда, у каждого теплилась надежда, что Люся пригласит именно его.

И вот она пошла выбирать партнера — с улыбкой, чуть прикусив нижнюю губу, радостные глаза ее были широко распахнуты, будто она увидела то самое, что давно не могла найти. Наступил самый напряженный момент: кого же выберет Люся? Она остановилась напротив Лешки, и его худощавое лицо засветилось улыбкой, он напружинился, готовый шагнуть ей навстречу. Толян Морковин смотрел на девушку и не верил своим глазам: неужели она действительно пригласит узкоплечего Лешку, который чуть ли не на голову ниже ее? Со своими непокорными вихрами, которые невозможно было причесать никакой расческой, Лешка выглядел рядом с Люсей просто комично. Неужели она решила посмеяться над ним? Но нет, она миновала Лешку, задержалась возле Фокина, сделала еще шаг и... рука Люси коснулась Мишки Тукова. Лешка сразу поник, рассеянно оглянулся по сторонам и спрятался за спину Толяна Морковина.

— Молодой человек, разрешите вас пригласить,— сказала Булкина и опять прикусила нижнюю губу, с улыбкой глядя на Мишку.

Староста немного растерялся, но все же сообразил тихо пошутить:

— Ну, ребята... я, кажется, гибну.

Она услышала его шутку, засмеялась. Мишка повел ее к танцующим, осторожно поддерживая обнаженный

локоток. Они закружились в вальсе, а остальные ребята продолжали ждать своей участи. Девушек на вечере было меньше, и поэтому многие парни так и не дождались приглашения — в том числе и Толян Морковин с окружающей его свитой.

Толян наблюдал за танцующими и отмечал про себя, что Люся Булкина и Мишка Туков приятно выглядят вместе. Он, конечно, выглядел старше своих лет, но был крепкого сложения, лицо чистое, мужественное, с правильными чертами. Новый коричневый костюм очень шел ему.

Когда взволнованный Мишка вернулся на свое место, Толян спросил его:

— А что дальше?

— Увидишь,— ответил староста и пошутил:— Вспоминайте иногда, что был в вашей группе Мишка Туков из Рассказова.

Заиграла музыка — он приосанился, поправил галстук и [illegible] к Люсе Булкиной. Она положила ему на плечи руки, подняла на него широко открытые глаза и заговорила что-то, улыбаясь.

Лешка пригласил на танец маленькую пухленькую девушку и весело закружился с ней рядом с Мишкой и Люсей.

Многие ребята из группы мастера Портнова приглашали на танцы незнакомых девушек, но провожать своих партнерш пошли только двое: Мишка и Лешка. Остальные выстроились у железной ограды училища и отправились к своему общежитию марш-броском под командой Толяна Морковина.

3

Почти вся группа была в сборе, ребята сидели на своих койках и шумно спорили. Морковин услышал возбужденные голоса товарищей еще перед дверью комнаты, а как только он вошел, все притихли. «Чего это они?» — подумал Толян и стал снимать шинель.

— А у нас сенсация,— сказал Лешка и попробовал пригладить непокорные вихры, но из этого ничего не получилось.— Ты не слышал?

— Нет.— Морковин сел на койку.— Догадываюсь по вашим веселым лицам: произошло что-то неплохое.

— Мы не веселые, а возбужденные,— поправил его

…чали!— Если ты такой ушлый, то угадай, что у нас за сенсация.

— Попробую,— согласился Толян.— Уж не нашел ли Объедков пропавшую девушку?

— А я ее не искал,— насупился тот.

— Тогда не будем гадать, говорите, что произошло?

— Мишка понес Люсе Булкиной духи «Желаю счастья»! — выпалил Лешка и опять попытался пригладить свои вихры.

— Ну и что? Отнеси и ты своей знакомой подарок. По-моему, она обрадуется не меньше Люси Булкиной.

— Конечно!— усмехнулся Фокин. — Как же не радоваться! Ты знаешь, сколько стоят эти духи?

— Откуда? Я никогда не покупал их.

Объедков, отстраняя Фокина и Лешку, выступил вперед.

— Они стоят двадцать рублей! Где Мишка взял столько денег?

Так вот что ребята называют сенсацией! Они подозревают Мишку в краже денег у Объедкова. Невероятно!

— Я видел, как староста покупал духи,— продолжал Объедков.— Народу в магазине было много, я его видел, а он меня нет...

Действительно, откуда у Мишки такие деньги? Со стипендии столько не накопишь. Это же четыре стипендии! Четыре месяца надо не тратить ни копейки! А Мишка тратил не меньше каждого из группы — на кино, на мороженое, на конфеты... И вдруг дорогой подарок!.. Занял у кого-нибудь, но не успел никому сказать? Может быть. Но Объедков не верит этому.

— Выкручиваться будет,— сказал он.— Сначала обыскать его надо. Если найдем у него денежки, тогда уж он не отвертится!

Разумеется, Мишка не ожидает повторного обыска и вряд ли теперь будет далеко прятать оставшиеся деньги. Стипендия послезавтра, сейчас почти все безденежные. Если у Мишки окажутся хотя бы три-четыре рубля, пусть объяснит, где он взял их. Потом спросят о подарке Люсе Булкиной. Так и решили.

Но Толяну не верилось, что Мишка взял деньги у Объедкова.

«Такой солидный человек, серьезный, рассудительный... Староста группы! Да и не курит...— вспомнил он свое «расследование».— Нет, не он».

— Ребята, а если Мишка не крал?..— спросил Морковин.

— Никаких «если»,— возразил Объедков.— Откуда он такой богатенький оказался?..

— Все равно на всякий случай надо как-то осторожнее проверить, чтобы не обидно было... У меня есть предложение. Как только староста вернется со свидания, мы скажем ему вот что...

Ребята тесным кольцом окружили сидящего на койке Толяна.

4

Шел первый час ночи.

Обычно в это время все уже спали, но сегодня в комнате горел свет и ребята читали лежа на своих койках. Все то и дело посматривали на часы. Но видно, Мишка не торопился возвращаться со свидания.

В дальнем углу комнаты раздался мощный храп. Это Пеньков утомился [illegible] ожиданием и забыл про все на свете. Но его быстро привел в чувство толчок соседа по койке. Пеньков [illegible] и, не поняв, в чем дело, оборонительно [illegible]

— Хватит меня таскать, без вас встану...

Ребята засмеялись, стали шутить:

— Кто про что, а заяц про лису!

— Смотри не проспи завтра, а то в проруби искупаем!

Лешка, надев ботинки и не зашнуровывая их, направился к шифоньеру, накинул на плечи шинель и вышел. Минуты через полторы в коридоре послышалось громкое топанье, хлопанье и грохот. Ребята насторожились. Дверь открылась, и в проеме показался вихрастый Лешка с ботинком в руке.

— Идет, — взволнованно прошептал он и пробежал к своей койке, снял шинель, стал обуваться.

Как выяснилось после, выходя на улицу, Лешка увидел Мишку и, не дойдя куда нужно, кинулся назад, чтобы предупредить ребят о возвращении старосты и чтобы и самому не пропустить интересный момент. В спешке Лешка наступил на шнурок и упал, один ботинок слетел, надевать его было некогда, и он, схватив башмак, побежал дальше.

И вот теперь, тяжело дыша, Лешка тревожно ...

ждения Мишки. Никто уже не читал, все сидели — каждый на своей койке.

Мишка вошел веселый и шутливо зашумел:

— Не спите? Завидую вам — ни забот, ни хлопот! Пришли из училища, приготовили уроки и за стихи да за романы! А ту-ут... Завертелся-закружился!— Он снял шапку, с улыбкой погладил свою лысину и зевнул.— Все, спать, спать. Немедленно!

Раздевшись и оставив шинель с шапкой в шифоньере, Мишка пошел к своей койке, потирая озябшие руки.

Толян встал, положил книгу на тумбочку.

— Нам тоже хочется спать,— начал он.— Но придется подождать еще немного.

— Не-ет, вы как хотите, а я как знаю,— продолжал шутить староста, начиная снимать рубашку.

— Подожди, Мишка,— тихо произнес Морковин, и тот насторожился, посерьезнел, стал оглядывать своих товарищей.

— В чем дело, ребята?— сел он на койку.— Чего ждать? Поздно уже.

— ЧП у нас,— заворчал Пеньков.— У Объедкова целковый пропал.

— Серьезно?— удивился Мишка.— Да что у него все пропадает? Опять обыск?

Толян развел руками.

— Надо.

— Вообще-то, стоит ли из-за одного рубля?— потеребил староста лысину.

— Дело не в рубле, а в поступке.

Мишка вздохнул.

— Ты прав. Вот дьявол, до утра теперь проканителимся.

— Нет, быстро отделаемся,— возразил Морковин.— Мы уже всех проверили, ты один остался.

— Я? Один?— привстал Мишка и нахмурился. Он сел на прежнее место, продолжая смотреть на Толяна.— Раз всех проверили, ни у кого не нашли — значит, у меня?..

— Никто этого не говорит.

— Неужели вы думаете, что если бы рубль взял я, то не истратил бы его сегодня?

— Никто не говорит, что рубль взял ты,— повторил Морковин.— Но раз мы проверили всех, то обязаны проверить и тебя, для порядка.

— Все ясно. — Мишка достал из шифоньера свою одежду, подошел к столу и стал вынимать из карманов разные вещи: кошелек, носовой платок, расческу, записную книжку, коробку спичек, паспорт, ученический билет...

— Сколько у тебя вообще денег? — спросил Толян.

— Осталось... не больше сорока копеек, — ответил Мишка.

Ребята толпились рядом с ними. Морковин стал осматривать вещи.

— Не мешайте, — сказал он. — Отойдите подальше.

Ребята отступили. Толян пересчитал мелочь — набралось тридцать семь копеек. Ощупана вся одежда, осмотрены все карманы — больше денег у Мишки не нашлось. Морковин даже обрадовался этому. Но дорогой подарок?..

— А где ты взял деньги на духи «Желаю счастья»? — громко спросил Толян.

В комнате стало очень тихо. Все ждали ответа, все думали, что Мишка растеряется от неожиданного вопроса, заюлит, начнет выкручиваться. Но он широко улыбнулся, потом засмеялся.

— Ну и следователи! Все узнали! Кто же из вас такой прыткий? Уж не ты ли, Морковин?

— Нет, не я, — ответил Толян, поправляя спадающий на глаза чуб.

И опять он обрадовался. Мишка так непринужденно, весело повел себя после неприятного вопроса — значит, у него есть что сказать в свое оправдание.

— Не ломайте головы, — махнул рукой староста. — Занял я двадцать рублей, у пацана из слесарной группы. Верну ему, когда мне пришлют деньги из дома. Мы с ним земляки, оба из Рассказова. Правда, раньше не знали друг друга, познакомились тут, в училище. Как говорится, земляк земляка видит издалека, — переделал Мишка на свой лад старую пословицу. — Занял деньги, а вам не доложил — в этом виноват. Земляк мой тезка, а фамилия его Атрибутов, живет в соседней комнате, направо от нас. Можете уточнить.

— Кого пошлем? — спросил Морковин.

— Я пойду, — насупился Объедков.

— И я с ним, — заворчал Пеньков.

— Втроем пойдем, — вызвался Лешка.

— Но слесари спят давно, — напомнил Фокин.

— Разбудим, — настаивал Объедков. — Постучим, позовем Атрибутова и спросим, сколько денег занимал у него наш староста.

Делегация из трех человек вышла из комнаты. Мишка собирал со стола свои вещи и рассовывал их по карманам. В это время Фокин взял со стола пачку «Памира», вытащил из нее сигарету.

— Дай прикурить,— попросил он коробку спичек, которую Мишка тоже собирался положить в карман.

Староста протянул ему свою коробку. Глядя на нее, Морковин насторожился. В том, что Мишка некурящий, а носит с собой спички, не было ничего удивительного, в общежитии нередко случались перебои с электричеством, поэтому на всякий случай спички имели и курящие и некурящие. Толяна насторожило другое: коробка Мишки была полна, а боковины уже все исчерчены. Зачем он набрал столько спичек в старую коробку?

Фокин прикурил и небрежно бросил коробку на стол.

— Я тоже закурю,— махнул рукой Толян.

— Зря, не начинай,— предостерег Мишка.— Привыкнешь, потом трудно отвыкнуть...

— Ничего, я только один раз попробую.— Морковин вытащил из пачки сигарету, взял Мишкины спички.

В комнату вернулась делегация из трех человек.

— Все подтвердилось,— хмурился Объедков.— Мишка занимал у Атрибутова ровно двадцать рублей. Извиняемся за беспокойство.

— Убедились?— улыбнулся староста.— Эх вы, следователи!..

Толян нарочно сделал так, что коробка чуть не выпала у него из рук, и заметил, как дернулся в его сторону Мишка, будто испугался, что спички рассыплются на пол. Морковин неторопливо прикурил, но возвращать спички не спешил, держал их в кулаке, пуская колечки дыма. Мишка протянул руку за коробкой, но Толян сделал вид, что не заметил этого, продолжал пускать колечки дыма.

— Ну вас, я спать пошел,— зевнул Пеньков.

Ребята расходились к своим койкам, а Морковин не знал, что ему делать. В коробке под спичками он заметил свернутую десятирублевку... Толян представил, что будет, если он сейчас покажет ее... Вгорячах Мишку просто изобьют и выгонят из комнаты. Да он и сам будет вынужден уйти. Эх, Мишка, Мишка...

Странно: Толян понял, что ему не хочется, чтобы Мишку били и выгоняли. Как же поступить?

— Фу, какая гадость! — брезгливо сморщившись, посмотрел он на сигарету в своей руке, раздавил окурок в пепельнице.— И как вы только курите, дурачье...

«От моего поступка будет зависеть его дальнейшая жизнь,— думал Толян, продолжая яростно давить сигарету в пепельнице.— Я не должен спешить... Я обязан поступить правильно...»

— Держи свои спички! — Он кинул коробку, и Мишка поймал ее, положил в карман брюк.— Ваньку мы валяли насчет кражи рубля,— признался Толян.— Просто надо было обыскать тебя...

— Понимаю,— тихо произнес Мишка.

— Понимаешь, да не все,— еще тише сказал Морковин, вздохнул и пошел к своей койке, чувствуя на себе пристальный взгляд старосты группы.

Наверное, и при первом обыске деньги лежали под спичками, только никто не догадался заглянуть в коробку. Вот какие они следователи... Значит, Мишка курил. Может, и сейчас курит, украдкой... А как же объяснить покряхтывание и постанывание? Что это за странность такая?

5

После повторного обыска Мишка стал неразговорчивый, задумчивый, марш-броском не командовал, ссылаясь на нездоровье. Командовать за него приходилось Морковину.

После обеда из столовой в общежитие спешить необязательно, и добирались кто как хотел.

Сегодня Толян обедал рядом с Мишкой, ел неторопливо, ждал, когда выйдут ребята. Он только что наступил под столом Мишке на ногу, и тот теперь тоже не спешил покончить с обедом.

Шли рядом по узкому переулку, под ногами звонко похрустывал снег, морозный воздух обжигал щеки. Оба в черных шинелях, в шапках с эмблемой «молоточки», в черных брюках и тяжелых рабочих ботинках, надетых на шерстяные носки.

— Ты можешь быть откровенным со мной? — спросил Толян, надевая вязаные перчатки, которые недавно прислала из деревни мать.

— Спрашивай, ничего не утаю.
— Ты куришь?
— Нет, бросил... Стал плохо чувствовать себя после каждой сигареты. Но когда сильно волнуюсь, мне всегда очень хочется закурить. В таких случаях даже приходится просить сигареты у прохожих. А после нескольких затяжек чувствую сильную боль в животе, будто клещами сжимает...
— Странный ты человек: знаешь, что будет плохо, а закуриваешь.
— Думал, пройдет это, но нет, не проходит. Теперь уже никогда не закурю, когда деньги искали, сдержался, хотя и здорово волновался. Сейчас волнуюсь, но курить не буду, все.
— Табак всем вреден, не только тебе,— сказал Толян.— А теперь скажи честно, сколько раз ты украл?
Мишка остановился, удивленно глядя на Толяна.
— Дважды? — спросил Толян.— И первый раз в комнате отдыха?
— Точно. Что, у тебя?..
— Нет, не у меня. Почему же ты решился на кражу?
— От обиды, от злости. Когда ехал из дома в училище, в вагоне у меня вырезали карман с деньгами. Хватился — ни денег, ни кармана. Такая злость взяла... чуть ли не каждого человека принимал за вора. Хорошо, на пересадочной станции не надо было платить за компосацию билета. Наскреб я мелочишко на комнату отдыха и... что было дальше, ты знаешь.
— Решил отыграться на безвинном человеке?
— Злой я был тогда, безжалостный. Думал: у меня украли, а я почему не могу?
— А история с Объедковым? Что, тоже был злой?
— Тут немного по-другому получилось, смалодушничал... Хотелось мне Люсю Булкину удивить, обратить ее внимание на себя, духи «Желаю счастья» не первый подарок... Любит она это дело, а я все для нее. У земляка двадцать рублей занимал — это правда, но до кражи у Объедкова. Тут ваша делегация маху дала, не уточнила. Когда я узнал, что у Объедкова в куртке пятьдесят рублей, опять вспомнил вырезанный карман с деньгами... Ну и... смалодушничал. Теперь проклинаю себя за это. Не имею права быть старостой группы, откажусь.

— Пусть пока будет все как есть,— возразил Морковин. — В общем ты неплохой парень, а вот этим удивил. Знаешь, почему я не сказал ребятам про деньги под спичками? Ведь вгорячах они могли наделать такое...

— Я понял, спасибо за доверие, Толян. Когда-нибудь сам все расскажу ребятам... И обязательно расплачусь с Объедковым.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

На первом уроке вдруг началось твориться непонятное. Только вошел в аудиторию преподаватель токарного дела Андрей Петрович, как открылась дверь, и мастер Портнов, попросив извинения, вызвал Объедкова. Минут через семь Объедков вернулся и сказал:

— Пеньков, к директору училища...

Пеньков заворчал что-то непонятное и вышел из аудитории. Объедков попытался сказать Лешке о причине своего вызова, но Андрей Петрович громко постучал авторучкой по столу и напомнил:

— Не забывайте, пожалуйста, что вы находитесь не в кинотеатре. Прошу не отвлекаться и соблюдать полнейшую тишину.

Пеньков вернулся тоже примерно минут через семь и сказал, что директор вызывает Лешку.

Ученики заволновались, зашептались, и Андрей Петрович был вынужден повысить голос:

— Напоминаю, что вы находитесь не в столовой...

Объяснение новой темы слушали рассеянно. Всех интересовал один вопрос: зачем ребят вызывают к директору училища?

«Не связаны ли эти вызовы с кражей денег у Объедкова? — подумал Толян.— Но откуда директор мог узнать? Мы же договорились не выносить сор из избы... Неужели кто-нибудь проболтался? И Мишки нет на занятиях...»

Андрей Петрович так и обводит всех сердитым взглядом, даже пошептаться ни с кем нельзя. Что же случилось?

Вызвали Толяна.

Директор училища — пожилая женщина, полная, волосы с проседью, собраны на затылке в пучок. Одета она в серое платье, воротничок застегнут у самого подбородка.

Кроме директрисы в кабинете находились завуч и мастер Портнов. Завуч — мужчина лет тридцати пяти, в черном костюме, густые рыжеватые волосы подстрижены коротко.

Толян сел на предложенный стул и сразу же заметил на столе перед директрисой исписанный чернилами тетрадный лист бумаги, к которому прикреплен скрепкой использованный конверт.

— Скажите, Морковин... у вас в комнате часто бывают ссоры между ребятами? — спросила директриса.

Толян пожал плечами:

— Бывают споры, а ссор... нет.

— А вне комнаты? Может, подрались где-нибудь?

— Нет, этого не было.

— А за что вы бросали в Волгу Пенькова?

— Пенькова? Мы хотели, чтобы он не был соней, поднимался утром вместе со всеми и не опаздывал на занятия.

— Ну и как, не просыпает?

— Первый встает, даже нас будит.

Директриса, завуч и мастер засмеялись.

— Разве Пеньков жаловался? — поинтересовался Толян.

— Нет, мы узнали это из других источников,— ответила директриса.

Морковин пристально посмотрел на лежащий перед ней исписанный тетрадный лист с конвертом. Заметив его взгляд, она раскрыла на столе книгу, заслонив интересующее Толяна письмо.

— Скажите, Морковин... А вообще были у вас в комнате какие-нибудь неприятные истории? Например, не терял ли кто деньги? Может, пропадали какие вещи?

Толян молчал, обдумывая, как лучше ответить директрисе. Теперь он не сомневался, что кто-то из ребят отправил письмо, в котором рассказал о краже денег у Объедкова и об истории с Пеньковым. Кто же позволил такое? Даже историю с Пеньковым постарался описать в мрачных красках.

— Если бы у нас в комнате произошла кража, мы не сказали бы об этом никому,— откровенно ответил Морковин.— Мы постарались бы сами отыскать вора и наказать его своими методами.

— Учинили бы грубый самосуд,— заметил завуч.

— Нет. Мы поступили бы примерно так же, как с Пеньковым. Точнее, придумали бы что-нибудь такое, от чего укравший сам начал бы ловить воров.

— Спасибо за откровенность,— поблагодарил завуч.

— Все ясно,— вздохнула директриса.

— У меня есть один вопрос,— заговорил мастер Родион Фомич.— Морковин, предположим, что у вас в комнате произошла кража и вы все договорились справиться с вором своими методами. Но среди вас нашелся человек, который сообщил обо всем, скажем, в милицию и назвал имя укравшего...

— И назвал бы имя укравшего? — привстал Толян.

— Да, и фамилию тоже. Как бы вы охарактеризовали этого товарища?

Морковин сел на прежнее место. Значит, тот, кто написал директрисе, сообщил не только об истории с Пеньковым и о краже денег, но и про Мишку...

— Если бы у нас в группе не оказался такой человек, я перестал бы считать его своим товарищем,— сказал Морковин.

2

Куда же делся Мишка? Утром после завтрака он приходил в училище, а перед началом занятий вдруг исчез, никто из ребят не мог сказать, где староста.

На перемене Толян отозвал Люсю Булкину к окну коридора, где никого, кроме них, не было, и тихо спросил:

— Ты не знаешь, куда девался Мишка? Он мне очень нужен.

Люся подняла на него большие грустные глаза, пожала плечами и отвернулась.

— Поссорились,— догадался Морковин.— Можно узнать из-за чего?

Она опять подняла на Толяна глаза, вздохнула. На окне, возле которого они стояли, красовался большой цветок, роза.

— Мы не ссорились, но...— Люся снова пожала пле-

ками.— Сегодня перед началом занятий Фокин сказал мне такое...

— О чем он сказал тебе? Не скрывай, это очень важно.

— Фокин сказал, что Мишка... украл деньги,— опустила она голову.— Он так неприятно говорил... Ты же знаешь манеру Фокина... Я сначала не поверила, думала, вредничает как обычно. Спросила Мишку, он признался... Я растерялась, не знала что говорить. А Мишка пошел к раздевалке. Больше я не видела его. У меня камень на сердце... В том, что Мишка взял у Объедкова деньги, есть и моя вина. Он покупал мне подарки, а я радовалась этому — вместо того чтобы задуматься, откуда у него деньги. Ведь учится, не зарабатывает еще... Выходит, я одобряла... и напрашивалась на новые подарки. Никогда не прощу себе этого.

3

После занятий Родион Фомич пошел вместе с ребятами в общежитие, хотел поговорить с Мишкой, со всеми ребятами. Но старосты в комнате не было. Тумбочка его открыта и пуста, одежды нет, чемодана тоже. На столе записка:

«Ребята, не могу быть рядом с вами. Простите. Деньги Объедкову верну».

— Вот это староста! — потряс Фокин запиской над головой.— Вот это зрачок всей группы! Собрал свои вещички и айда! Теперь будет воровать в другом месте! А мы гадали, отчего он так рано лысеть начал! Оказывается, это у него от воровской жизни! Умные волосы покидают дурную голову! Когда его обыскивали, я сразу увидел под спичками десятирублевку... А Морковин проморгал, хотя и копался в коробке! Плохой из него следователь! Увидал я деньги и — все понял! Ладно, думаю, обмозгую как следует, потом дам ход своему открытию!

Родион Фомич молча сидел на стуле за столом — в пальто, шапку держал на коленях. Он посмотрел на свои ручные часы.

— Жалко, успел улизнуть! — продолжал выступать Фокин.— Здорово я раскрыл его!

— А по-моему, не здорово, — возразил Толян.

— Не понял? — повернулся к нему Фокин.

— Не здорово, говорю, получилось. Тайком от нас директору письмо написал, Люсе наябедничал...

— Это уж мое дело, как поступать. Я обнаружил вора, я и решаю! Или тебе досадно, что ты прошляпил, а я заметил?

— Не угадал. Я тоже видел десятирублевку в Мишкиной коробке,— признался Морковин.

— Врешь!

— Нет, правда. Но я никому не сказал об этом, мне не хотелось, чтобы ребята вгорячах наделали глупостей... Ты понимал, что с Мишкой могли расправиться, но в конце концов решили бы не выносить сор из избы. А тебя это не устраивало. Ты промолчал тогда, чтобы добиться потом исключения Мишки из училища и его разрыва с Люсей Булкиной.

— Философ,— усмехнулся Фокин.— Карманника пожалел...

— Мишка просто оступился,— возразил Толян.— Он признался мне во всем. Ребята, Родион Фомич, Мишка неплохой парень. Послушайте, как было дело. Ехал он из дома в училище...

И Толян рассказал обо всем, что знал про Мишку. После его рассказа все долго молчали.

— Ишь, разукрасил,— ухмыльнулся Фокин.— Что бы там ни было, а Мишка украл... За это судить могут! Почему вы молчите? — посмотрел он на ребят.— Родион Фомич, что же вы ничего не говорите?

— Я не могу решать за вас,— отозвался мастер.— Мои ученики сами примут правильное решение, я уверен в этом.

— Объедков, Пеньков, Лешка?.. Вы что, воды в рот набрали? — ходил между ребятами Фокин.— Мишка украл! И не раз! Он — карманник! Понимаете? А вырезанный карман с деньгами — не оправдание!

— Ну ты и распинаешься,— подал голос Лешка.— Хочешь, чтобы все по-твоему было? Ишь ты...

— Тут вон как шумит, а Люсе потихоньку, директору потихоньку,— заворчал Пеньков.— Противно все это.

— Даже больше чем противно,— поддержал его Объедков.— Мы же договорились не рассказывать пока никому... «Мишка украл, Мишка украл!» — передразнил он Фокина.— Не у тебя же, у меня... Взял, так

вернет! Он не такой... Лично я прощаю Мишку, найти бы его да вернуть.

Родион Фомич снова посмотрел на часы.

— Да вы что?— недоумевал Фокин.— Карманника защищаете! А завтра он еще кого-нибудь обворует!

Ребята вдруг зашумели наперебой:

— Да хватит тебе, Фокин!

— Зря стараешься, Фокин, все равно Люся Булкина на шею тебе не кинется! Не нужен ты ей!

— Вредный ты человек! Даже историю с Пеньковым описал... Склочник!

— Ах так! — забегал между койками Фокин.— Оскорбляете! В таком случае... я не желаю учиться вместе с вами и буду проситься в другую токарную группу!

— Скатертью дорога! — послышались голоса.— Попутный ветер тебе в спину!

Фокин вырвал из тетради чистый лист, сел за стол, написал заявление и протянул его мастеру Портнову.

— Прошу передать директору.

Но Родион Фомич не взял заявление.

— Извини, Фокин. Я не могу сделать это, свое заявление ты должен передать сам. Не кипятился бы, подумал...

— Нечего мне думать! Учиться вместе с простачками, которых обворовывают, я не хочу!

Фокин оделся и вышел из комнаты, громко хлопнув дверью.

— Мне очень жаль, что он не понял ничего,— тихо произнес Родион Фомич и опять посмотрел на часы.— Ребята, поезд на Саратов два раза в сутки: утром и вечером. До отхода вечернего поезда осталось полтора часа. Кто поедет на вокзал?

Все поняли, зачем надо ехать на вокзал, и все изъявили желание. Но для поисков Мишки выбрали троих: Морковина, Объедкова и Пенькова. На всякий случай набрали три рубля мелочью — для того, чтобы поисковая группа могла расплатиться с перевозчиками, если придется добираться до Саратова через Волгу.

Но эти деньги не потребовались, Мишку нашли на Энгельсском вокзале. Он сидел на скамейке в зале ожидания и ел сырок с хлебом, в ногах у него стоял чемодан.

— Приятного аппетита,— сказал Толян.

Мишка вскочил, уронив остаток сыра на скамейку, оглянулся по сторонам.

— Не пугайся, мы без милиции,— заворчал Пеньков.

Объедков отстранил его и заметил:

— Нет ничего проще, взял чемодан и — прощайте голуби!

Мишка опустил глаза и сел.

— Хочу начать... все сначала.

— Начинать сначала надо,— сказал Морковин.— Но если бежишь — значит, струсил, не надеешься на себя.

— Да ты что, Толян?! — опять вскочил Мишка.— Только не это. Я думал, меня будут... презирать, не захотят смотреть на меня. .

— Плохо думал, теперь будешь думать по-другому. Ты обязан остаться с нами, чтобы доказать... Понимаешь? О-бя-зан! — Морковин взял чемодан.— Идем!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

I

В начале февраля держались крепкие морозы, потом погода смягчилась, начались обильные снегопады, которые напоминали Морковину деревенскую зиму. Конечно, деревенские метели не сравнять с городскими снегопадами. В деревне, бывало, заносило снегом все окна и двери, часто сугробы доходили до крыши дома, заносило весь амбар и палисадник. А здесь, в Энгельсе, за всю зиму — ни одной буйной метели. Снег сыпался большими хлопьями, и было тихо кругом. Но все равно хорошо. Толяну нравились и буйные метели, и тихие снегопады.

Начало пригревать солнышко, и снег стал быстро убавляться. Гужевое сообщение через Волгу прекратилось, ходить по льду опасно, и ребята поняли, что до начала производственной практики в Саратов им теперь не попасть, терпеливо ждали, когда наступит день отъезда на завод строительных машин.

И вот он наступил.

Мастер Портнов разбудил учащихся в пятом часу

утра. Все взяли приготовленные чемоданы и вышли к воротам общежития, где стояла грузовая машина, оборудованная для перевозки пассажиров. Приехали на железнодорожный вокзал, стали ждать отправления пригородного поезда.

И вскоре этот поезд вез воспитанников училища в Саратов. Он то громыхал над водой по железному мосту, то ехал рядом с Волгой по высокой насыпи, проезжал мимо островов, среди дубняка... Вроде бы недлинная дорога всех утомила.

Пришлось подождать и на Саратовском вокзале. Мастер Портнов ушел справиться по телефону, выехал ли за ними заводской автобус. Мастера долго не было, а когда он вернулся, сообщил:

— Скажу вам по секрету: начальник отдела кадров рад без памяти! Шутка ли: сразу столько рабочих рук! У них в токарях очень большая нужда, много станков свободных! Ждали моего звонка, сейчас выезжают за вами. Комнаты в общежитии приготовлены, отдохнете и—за работу. Никуда не расходитесь, пойду встречать автобус!

За молодежью приехал общарпанный автобус, не раз побывавший в дорожных авариях и в ремонтных мастерских, с одной пассажирской дверцей и треснутыми стеклами.

До завода строительных машин добрались благополучно.

Комендант общежития и мастер Портнов распределили практикантов. Толян Морковин попал в одну комнату с Объедковым, Пеньковым, Лешкой и Мишкой.

2

Внимание Толяна привлек паренек, который держал в руках гудящий гайковерт и никак не мог поймать им гайку на узле какой-то машины. Кажется, новичок, того и гляди, инструмент уронит. К новичку подошел длинноволосый парень в кирзовых сапогах, в замасленных брюках, рукава его клетчатой рубашки закатаны за локти, на макушке чудом держится берет. Он взял у паренька гайковерт и пошутил:

— Руки дрожат? Как все равно кур воровал... Смотри, вот как надо. Главное, крепче держи и чувствуй себя свободно, уверенно! Это тебе не в школе «А»

плюс «Б» проходить! Смотри внимательно! Нацеливаемся. Р-раз! Готово! Р-раз! Готово! Понял? Повтори!

Паренек взял инструмент у своего учителя и, часто оглядываясь на него, приблизился к узлу.

— Смелей, смелей! — подбадривал его длинноволосый. — Ну, ну? Крепче держи, уверенней! Так, подводи! Р-раз! Готово! Р-раз! Готово! Вот и все, а ты боялся! Молодец! Продолжай в таком же духе!

Парень заметил стоявшего неподалеку Морковина, подошел к нему и, заложив руки за спину, оглядел его с ног до головы.

— Очень знакомая личность, а вот кто именно передо мной — не могу вспомнить.

— Мы с вами не знакомы,— сказал Толян.— Мимоходом зашел сюда, посмотреть.

— В транспортный цех идешь?

— Нет, в механический.

— Вот это мимоходом! — засмеялся длинноволосый. — Механический направо от проходной, а ты налево повернул! Сильно заблудился, а не мимоходом! — Он опять засмеялся. Левака дал, дорогой! Наверно, первый день на территории?.. Оно и видно! Выйдешь сейчас со сборки и шуруй прямо, у доски Почета повернешь к белому двухэтажному зданию! Там и будет твой цех! Беда с этими новичками,— качнул он головой, глядя вслед Морковину.

3

Механический цех разделен на два участка, на одном — крупные станки, на втором — небольшие. Под самой крышей большого участка шумно передвигался подъемный кран.

Каждого учащегося технического училища определили в ученики к опытному токарю. Морковин попал к пожилому человеку с густой седеющей шевелюрой. Родион Фомич рассказал о нем такую историю:

— Петр Акимыч Ботвин — бывалый токарь. Но до токарничества ему пришлось помотаться по белому свету. И лес в тайге валил, и уголь в шахтах долбил... Не искал, где легче, не щадил сил и здоровья. Помнится, пришел он на завод, дали ему маленький станок недалеко от меня. Неплохой станок, заработок на нем был приличный. Но узнал Петр Акимыч, что на боль-

...м станке сложней работать, попросился туда. На-...альник цеха, конечно, удивился: «Ты что, Ботвин? Семисоткилограммовые болванки надумал обдирать? Там же очень тяжело и заработок ничуть не больше, чем у тебя сейчас». А он говорит: «Заработок меня не ...радует, хочу где потяжелей». Начальник усмехнулся: «Да ты не шутишь ли? Может, посмеяться вздумал?» А Ботвин отвечает: «Серьезно я, не люблю легкую ра-...боту, и все. Хочу на большом станке работать». На-...чальник даже руками всплеснул: «Вот чудак! — Поду-...мал немного и согласился:— Будь по-твоему! Только помни: тебя никто не посылал туда, сам напросился!» «Не забуду»,— обещал Петр Акимыч.

Так и перешел на большой станок. От этой работы некоторые даже увиливали, а он добровольно пошел. Боевой токарь! Стали мы с ним работать в одном ря-...ду: впереди он, я за ним. Сдружились, но через не-...сколько лет судьба разбросала нас... Рассказывали, как Ботвин на пенсию уходил. Проводили его с поче-...том, а он через неделю на завод прибежал. «Не мо-...гу,— говорит,— без работы. Токарничать охота и учить молодежь токарному делу». Так и работает в меха-...ническом цехе. Хороший у тебя заводской учитель, Морковин.

Толян стоял около тумбочки, наблюдая за работой своего заводского учителя. Тот не спеша брал заготовку, закреплял ее в патроне станка, осторожно подводил к ней резец и плавно включал механическую подачу. Заготовка темная, грязная, а после прохождения по ней резца становилась чистой, светлой и блестящей. Стружка свертывалась фиолетовой пружиной, отрывалась и отскакивала к защитной сетке, падала в железное корыто под станком.

Подошла молоденькая девушка со штангенциркулем в руке, стала измерять готовую деталь. Это была Люба Речкина, контролер. Она в мужской рубашке, в серой юбке, на ногах красные босоножки, белый халат нараспашку.

— Как у вас дела, Петр Акимыч? — спросила она.

— Дела неплохие, если не считать вон той штукенции,— с улыбкой показал старый токарь на испорчен-

ную деталь.— Вместо того чтобы расточить отверстие величиной в стакан, мы лисью нору сделали...

Толян покраснел. Это он испортил деталь. Пробовал расточить отверстие под пробку и прослабил — больше проточил, чем надо. Неисправимый брак. После ухода Любы Речкиной Петр Акимыч опять уступил рабочее место своему ученику. Толян закрепил в патроне станка заготовку; стараясь скрыть волнение, подвел расточный резец к ее отверстию, включил самоход. Сняв черновую стружку, он еще раз заглянул в чертеж.

Петр Акимыч стоял возле тумбочки и не вмешивался.

Только бы не прослабить отверстие! Морковин наметил толщину чистовой стружки, проточил чуть-чуть, вернул резец и, остановив патрон, померил пробкой начало отверстия — не лезет. Значит, надо прибавить толщину стружки. Проточил еще немного, опять вернул резец, померил — пробка начинала входить очень легко. Значит, надо немного уменьшить стружку.

Пропустив резец через все отверстие, Толян взял пробку. Руки слегка дрожали от напряжения и волнения, чувствовалось, как [illegible] букашками поползли капли пота. Вдруг опять прослабил?.. Нет, получилось! Сделано как надо! Ур-ра-а!

Петр Акимыч проверил работу ученика, похвалил.

— Продолжай в таком же духе.

5

Ботвин определил Толяна на свободный станок и стал давать ему задание. Он часто подходил к ученику, чтобы проверить, как идет дело. Морковин волновался, спешил. Часто ломались резцы, замучился бегать в заточное отделение. Сгорело сверло — опять кагать в заточное отделение. Сгорело сверло — опять канитель, засорился патрон — снимай его со станка и чисть. В мастерской технического училища получалось лучше, а тут сплошные неудачи.

— Зря суетишься,— сказал Петр Акимыч.— Спешка нужна при ловле блох, а их тут нету. Не кипятись, не пумыкайся, работой, как в мастерской училища. Не пугайся, что на заводе... ничего страшного. Со временем освоишь новые детали, набьешь руку и будешь выполнять сменное задание.

Но как же не торопиться? Хочется сделать больше, а ничего не получается. Утром Толян стал приходить в цех раньше всех, старался быстрей начать работу, в обеденное время торопливо съедал в столовой первое и второе, спешил к станку, оставляя на столе недопитый чай. После окончания смены часто задерживался переделывать детали. Руки в ссадинах и порезах, но он никому не жаловался, стал надевать у станка тонкие белые перчатки.

— Ничего, парень, все идет как надо,— говорил ему Родион Фомич.— Я так же привыкал к токарному делу, как и ты, ничуть не лучше было. Хорошо скоро не бывает.

После ободряющих слов мастера и заводского учителя Толян уверенно брался за работу, но неудачные попытки выполнить сменное задание приводили его в отчаяние. Одна деталь годная, а две в брак... Стыдно по цеху пройти. А когда к нему подходила Люба Речкина с измерительными инструментами в руках, он стоял, как на горячих углях, переступая с ноги на ногу, и чувствовал, как горело его лицо.

После ухода Любы Толян стискивал зубы и упорно обтачивал новую заготовку.

6

В конце месяца начальник механического цеха прочитал на пятиминутке список рабочих, которым предлагалось поработать в выходной день. Среди названных был и Петр Акимыч Ботвин. Но заводской учитель Толяна вдруг заболел — сердце забарахлило. И ученик пришел в цех без него. Узнав обо всем, сменный мастер Бизяев сказал:

— Слушай, Морковин... Ты ведь точил «триста первую ось». Попробуешь вместо Петра Акимыча?

— Попробовать можно,— неуверенно произнес Толян, пожав плечами.— Но...

Бизяев не дал ему договорить, взял под руку и повел к инструменталке.

— Бери чертеж, инструменты и настраивайся. Если что... я помогу.

Тишина в механическом цехе нарушилась словно по команде. Сначала раздался резкий хлопок — кто-то бросил лист железа. Потом один за другим зажужжали

моторы станков, загремел подъемный кран на большом участке.

Заправив в заточном отделении резцы, Морковин установил их по центру, закрепил в станке длинную заготовку. В сменном задании указана норма: сорок осей. Сможет ли Толян сделать столько деталей? Трудно будет, но раз взялся — надо стараться изо всех сил.

Морковин подвел к детали резец, включил самоход. Серая стружка начала свертываться в пружину, но через несколько секунд в станке подозрительно загудело и патрон остановился. Раздался хруст — резец сломался! В чем дело? Почему станок не тянет стружку? Толян напряг память. В таких случаях надо подтягивать ремни или фрикцион. Позвать дежурного слесаря? Он занят, копается у станка на большом участке. Пока его дождешься, пройдет немало времени. Попробовать самому?.. Толян снял предохранительный кожух, потрогал ремни. Нет, они не ослабли, тугие. Значит, дело во фрикционе. Открыл крышку передней бабки станка и, взяв длинную отвертку, устремил взгляд на шестерни. Где он тут, этот самый фрикцион? Вот он. Морковин опять напряг память. Если повернуть кольцо на себя — значит, ослабишь, если от себя — подтужишь. Та-ак, повернул немного от себя, теперь надо пробовать стружку.

Поставил запасной резец. Станок хорошо потянул стружку, и Толян расслабил мышцы. Но тут опять хрустнуло, застучало, посыпались искры, острый запах гари защекотал в носу. Еще один резец полетел! Но в чем причина? Ведь деталь не остановилась... Вот растяпа! Как же он мог забыть? В училище Родион Фомич не раз предупреждал: «Если сломается резец, в детали остается осколочек от режущей кромки. Не выбьешь его зубилом, новый резец наскочит на осколочек и обязательно сломается...» А Толян проразинил... Кланяться теперь! А время не ждет!

Морковин схватил сломанные резцы, побежал в инструменталку за новыми. Дорогой заметил, что у других станков уже поблескивают готовые детали...

И вот наконец Толян бросил к тумбочке свою первую готовую деталь. Подошла Люба Речкина, проверила ее, одобрительно кивнула и улыбнулась. Он ответил ей улыбкой. На душе стало немного спокойнее, закрепил в кулачках патрона вторую заготовку, подпер ее

центром задней бабки. Сначала нужно снять стружку на всю длину детали, потом до половины, а потом выточить небольшую шейку. Все, разумеется, под строгий размер. Что, если вместо двух стружек до половины заготовки делать одну, толстую? Будет экономия времени. Петр Акимыч иногда делал так, но с оговоркой: «Станку тяжело, не злоупотребляй...» Интересно, получится у Толяна, как у Петра Акимыча? Надо попробовать. Злоупотреблять он не будет, но сейчас у него безвыходное положение...

Станок потянул хорошо. Теперь стружка получалась не серая, а фиолетовая, она свертывалась в тугую пружину, отламывалась длинными кусками, но не отскакивала в сторону, как раньше, а падала в железное корыто станка, шипела в каплях машинного масла, распространяя едкий дым. Толян досуха вытер корыто тряпкой, и стружка стала остывать бездымно.

Как быстро летит время! Уже обед... Станки затихли, на большом участке перестал греметь подъемный кран, крановщица дала длинный звонок и осторожно начала спускаться из кабины по лесенке. Рабочие пошли к воротам цеха. Толяну есть не хотелось, и он продолжал обтачивать заготовки.

У тумбочки пятнадцать готовых осей... Двадцать. Успеть бы выполнить сменное задание. Тридцать... Скоро конец рабочего дня. Тридцать три... Тридцать семь... Ах ты, дьявол! Ровно пять часов, все... Если бы он не мыкался со сломанными резцами, успел бы. Теперь уже не выполнить сменное задание. А что, если задержаться немного?..

Обливаясь потом, Морковин закрепил сороковую заготовку, стал обрабатывать ее. К нему подошел мастер Бизяев. Во время рабочего дня он наблюдал за учеником издалека.

— Нарочно не подходил к тебе,— сказал Бизяев.— Думаю, раз не зовет — значит, не нужен ему, один справляется.— Он пересчитал готовые детали.— Ого! Признаться, не ожидал... Молодец!

Толян стоял у станка, то и дело вытирая платком потное лицо. Ему даже не верилось, что эту горку деталей сделал он, без посторонней помощи.

Люба Речкина взяла у Морковина наряд, тоже посмотрела на горку деталей и улыбнулась.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

Зазеленела трава, на деревьях начали распускаться почки. Тянуло в лес — поискать ландышей или нарвать еще каких-нибудь цветов, отдохнуть, у потрескивающего костра. Лес недалеко от общежития завода, из окна комнаты Толян видел, как в воскресные дни с раннего утра горожане стремились на природу. Хотелось присоединиться к ним, но и по выходным надо писать дипломную работу. Напишут, сдадут рабочий зачет — тогда и отдохнут все вместе.

Требования к молодым токарям ничуть не меньше, чем к опытным рабочим. Для зачета они должны выточить заданное количество деталей, соблюдая высокое качество их обработки.

Толян Морковин первым получил рабочий зачет — за выполнение сменного задания вместо Петра Акимыча. Мастер Бизяев так и сказал:

— Может работать самостоятельно. Рекомендую присвоить третий разряд.

По окончании технического училища молодым токарям присваивали второй или третий разряд — значит, Толяну рекомендуют высший. Теперь самое главное — не сбавлять темпа работы, стремиться не только выполнять сменное задание, но и перевыполнять. И Толян перевыполнял. Правда, при освоении новых деталей случались затруднения, но Толян относился к ним как к временным неудачам. Постепенно он научился управляться с заданием вовремя и даже стал успевать интересоваться, как идут дела у ребят и девчат его группы.

У других тоже получалось неплохо, не проходило дня, чтобы кто-нибудь не сдавал зачета. Особенно радовался каждой удаче Мишка. Он даже приплясывал на деревянной подставке у своего станка, если работа ладилась.

— Будет толк,— сказал о нем сменный мастер Родиону Фомичу.— Рекомендую третий разряд.

Портнов довольно улыбнулся.

— А кто, по-вашему, еще тянет на третий разряд?— спросил он.

— Еще? — Бизяев подумал.— А хотя бы вот этот

Ерш Ершович,— с улыбкой показал он на Лешку Туманова.— Вихрастый, маленький, жилистый, вцепится в станок — не оторвешь. Будет толк. Еще рекомендую Объедкова. Из девушек следует обратить внимание на Марию Зубкину и Люсю Булкину. Остальные ребята и девчата тоже работают неплохо, но я назвал самых лучших. Хорошая группа.

Вместо двухсменной работы организовали трехсменную, и почти всю дневную отдали вчерашним ученикам. Двадцать два токаря-универсала из технического училища составили молодежную смену в механическом цехе. Родион Фомич внимательно наблюдал за своими питомцами и, если у кого что-то не ладилось, давал полезные советы.

Защита дипломной работы теперь уже не страшила молодых токарей, они непременно защитят все, чему научились на заводе.

2

В обеденный перерыв ребята собрались в заводском сквере. Они вышли из столовой и теперь грелись на майском солнышке, расположившись на скамейках.

— Слышали про соревнование на станкостроительном? — встал Пеньков, засунув руки в карманы замасленных брюк и расставив локти в стороны.— Вот это понимаю, ребята! Настоящие слесари-сборщики! И все из нашего училища! У нас в Сургучевке тоже часто соревновались: на подвозке кормов, на чистке коровника... Не говоря уже о заготовке зерна. И мне приходилось! Бывало, встанешь пораньше...

— Это как с утренней зарядкой, что ли? — усмехнулся Лешка.

— Я о работе говорю,— возразил Пеньков.— Зарядка тут ни при чем.

— Уж не хочешь ли ты вызвать кого-нибудь на соревнование? — засмеялся Лешка.

— Хо-очу! — протяжно воскликнул Пеньков.

— И кого же именно? — продолжал смеяться Лешка.

— Те-ебя! — опять пропел Пеньков.— Ты очень шустрый был, когда меня в Волгу кидали! А теперь давай у своих станков пошустрим!

Несколько секунд стояла тишина, все с интересом смотрели на Пенькова, будто видели впервые.

— Что, сразу замолчал? — наступал тот на Лешку.— Конечно, это не в Волгу меня кидать! Тогда, как клещ, вцеплялся, думал, кожу с рук сдерешь! А сейчас притих! Сразу струсил!

— Я струсил? — вскочил Лешка и тоже сунул руки в карманы замасленных брюк, расставил локти в стороны.— Принимаю вызов!

— Отлично! Завтра и начнем!

— Нет, не завтра! Сегодня! Немедленно!

Они стояли друг против друга, продолжая держать руки в карманах и расставлять локти, как петухи крылья. Пеньков маленький, полненький, краснощекий. Лешка чуть побольше, но худощавый, взъерошенный. Со стороны можно подумать, что эти двое здорово повздорили между собой и сейчас подерутся. Но ребят просто охватил огонь состязания.

— Нечего горячку пороть! — сказал Толян.— Охолоните!

— Правильно,— поддержал его Мишка.— Не петушитесь, завтра начнете. А сегодня уже половина рабочего дня прошло.

3

Весть о предстоящем состязании между Пеньковым и Лешкой быстро облетела всех токарей учебной группы. И Родион Фомич в этот же день узнал об этом.

— Скажу вам по секрету, не ожидал я от Пенькова такого жеста,— улыбнулся он.— Ну что же, пусть соревнуется. Это хорошо.

Утром молодые токари пришли на работу пораньше. Пеньков и Лешка все делали торопливо, бегом. У них даже не хватило терпения подождать, когда подсобник привезет им заготовки — каждый сам доставил для себя, на ручной тележке. Сменный мастер Бизяев с любопытством наблюдал за ними.

— Маленькие, а везут в два раза больше себя,— добродушно усмехнулся он.— Как муравьи.

Токари знакомились с чертежами, настраивали станки на обработку деталей. И все то и дело поглядывали на соперников. Объедков уже несколько дней не заходил в цех. Несмотря на жаркую погоду, он где-то простудился и ему дали больничный лист. Но, узнав о предстоящем состязании, явился и Объедков. Боясь просту-

диться еще больше, на рубашку он надел пиджак, а шею обмотал длинным шерстяным шарфом. Чтобы не остаться без дела, Объедков решил информировать своих товарищей о ходе соревнования в течение всей смены. Ребятам нельзя часто отходить от своих станков, а он все равно свободный. Постоит возле Пенькова, понаблюдает за его работой, пойдет к Лешке. Потом бежит к кому-нибудь из группы — рассказать, сколько сделал тот и другой.

Потом все снова. Объедков бегал шустро, рассказывал охотно, весело. А после обеда стали замечать, что и Объедков устал. Он уже не бегал, а просто ходил. И рассказывать о делах соперников стал короче. Умаялся, чувствовал, что повысилась температура, появилась слабость. Но Объедков не сознавался в этом. Он продержался до конца смены и объявил товарищам:

— Ну... подсчитали. Норму перевыполнили оба, а победил...— Объедков сглотнул слюну.— Победил Пеньков из Сургучевки! У него на два процента больше, чем у Лешки!

— Еще кто очень прыткий был, когда меня в Волгу кидали? — выпячивал грудь Пеньков.— Ты, что ли, Мишка? Или ты, Морковин? Думаете, испугаюсь вас? Ни капельки! Объедков, куда пошел? Улизнуть хочешь? Думаешь, если заболел, так тебя и на соревнование нельзя вызвать? Сейчас нельзя, а поправишься — можно! Так что готовься... Сделаем так: завтра соревнуюсь с Мишкой, послезавтра с Морковиным...

Сменный мастер Бизяев отозвал Портнова в сторону от ребят.

— Вот еще кандидат на третий разряд. Раньше не подавал надежды, а теперь сами видите... Будет толк.

4

Родион Фомич пришел в общежитие в праздничной одежде: в сером костюме, при галстуке. Лицо у него радостное, сияющее. Волосы аккуратно причесаны и закрывают часть лысины. Толян давно уже заметил, что серый костюм Портнов надевает только по торжественным дням. Что же у него сегодня за радость? Праздник в семье? Вряд ли. Родион Фомич проводил бы его дома и не поехал бы сюда.

Ребята только что пришли со смены и готовились идти ужинать в заводскую столовую.

— Я вас долго не задержу,— сказал Родион Фомич, с улыбкой усаживаясь на табуретку за круглым столом, накрытым белой скатертью.— Хочу перед ужином кое-что прочитать вам для аппетита...— Он достал из внутреннего кармана пиджака бумажник, извлек из него сложенный вдвое конверт и, вытащив письмо, потряс им над головой:— Угадайте — от кого?

Ребята окружили мастера, старались прочитать обратный адрес на конверте, но Портнов не показывал. Все были в недоумении, не знали, на кого и думать.

— Наверное, от директора училища,— неуверенно предположил Морковин.— Возможно, извещение о чем-нибудь.

Объедков и Пеньков сразу же поддержали эту мысль, но Лешка и Мишка возразили им. Директор не будет слать письма по почте, ему проще передать любое извещение с мастером, который бывает в училище каждый день.

— Письмо вам, пришло на адрес училища, на мою фамилию,— уточнил Родион Фомич, загадочно улыбаясь.— Нет, не догадаетесь. Зря мучаю вас, скажу.— Портнов обвел ребят ликующим взглядом.— Письмо прислал... Фо-кин! — Мастер растерянно похлопал себя по карманам.— Вот те раз! Очки в училище забыл... Читай, Морковин.

Толян взял исписанный лист бумаги. Что же так обрадовало Родиона Фомича? О чем хорошем может написать Фокин?

Он сообщал, что проходит практику в городе Энгельсе, на заводе Урицкого. Завод хороший. И ребята из его новой группы тоже неплохие. Но, признается Фокин, с учениками Родиона Фомича было все-таки лучше. Ему часто снится большая комната в общежитии училища, Объедков, Пеньков, Толян, Лешка, Мишка... А проснется, нет никого из них, — на душе вдруг станет тоскливо, будто потерял что-то дорогое... Только теперь Фокин понял: ребята поступили правильно по отношению к Мишке, а он, Фокин, был не прав. Его прежние поступки представляются ему теперь совсем в другом свете. И очень стыдно за них.

СОДЕРЖАНИЕ

Для среднего и старшего школьного возраста

Владимир Павлович Чекменёв

ВЕСЁЛОВСКИЕ ЗАРНИЦЫ

Повести

Редактор *О. Казакова*
Художник *Д. Мелкозеров*
Художественный редактор *В. Иванов*
Технический редактор *Л. Борисова*
Корректор *И. Дудуева*

ИБ № 1308

Сдано в набор 04.03.87. Подписано в печать 07.07.87. НГ20729. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 5,88. Усл. кр.-отт. 6,23. Уч.-изд. л. 6,04. Тираж 10 000. Цена 20 к. Заказ 515.

Приволжское книжное издательство. Саратов, пл. Революции, 15.

Производственное объединение «Полиграфист» управления издательств, полиграфии и книжной торговли Саратовского облисполкома. Саратов, пр. Кирова, 27.

20 к.

САРАТОВ
ПРИВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1987

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190